

Своя

апрель 2015

журнал
Никиты Михалкова

**ЗА СТОЛ РОДНЯ
ВСЯ СОБЕРЕТСЯ**
Христос Воскресе!

**Евразийский
оракул**

Николай Трубецкой
и его пророчества

**Девочка
в бурном море**

Две жизни полковника
Воскресенской

**Не телец,
а молох**

Что осталось
от дела Ленина

Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом.

Вместо техники русские стали заимствовать европейский образ мысли, рассчитанный на совершенно иной психологический тип людей. Русский человек перестал быть самим собой, но не стал и европейцем, а просто изуродовался. Вследствие этого изуродовались и все внутренние отношения между русскими, появились глубокие пропасти, отделяющие одних русских от других, порвались социальные связи...

Задача России в будущем состоит в том, чтобы осознать наконец свою подлинную природу и вернуться к выполнению своих собственных исторических задач.

Николай Трубецкой (1890–1938)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Без страха и смущения	26–29	Служу России Девочка в бурном море
3–7	Философ о философе Евразийский оракул	30–33	Родное слово Особая территория Вспоминает вдова Олега Куваева
8–11	Символ веры Последний триумф Генералиссимус Суворов на поле духовной брани	34–37	Чужой среди своих Не телец, а молох
12–13	Великие реалисты За стол родня вся соберется	38–40	Возвращение имени Лорд с берегов Тары Энциклопедия сибирской жизни от Бориса Пантелеймонова
14–16	Русский гений Божественная трагедия Николай Гоголь между светом и тьмой	41–43	Наш Крым Да, скифы мы. И видели Перикла Античность как часть отечественной истории
17–19	Страна мастеров Хай-тек по-нашему Инженер-старообрядец Иван Кулибин	44–47	Другие берега «Мы не в изгнании, мы в послании...» Беседа с историком русской эмиграции
20–22	Герой России От первой Звезды Рекорды и шедевры Сергея Крикалёва	48	Трапезная Дорога пасочка к Христову дню
23–25	Год литературы «Книжка неделя» против гаджетов		

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

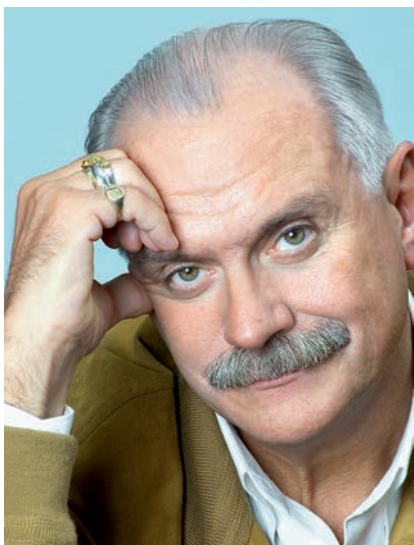
«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ №ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 35 000

Подписано в печать 16 марта 2015 г.

Без страха и смущения

Сегодня, когда волнующее предвкушение Пасхи, радость подготовки к этому великому празднику приходят в каждый православный дом, я вспоминаю себя восемнадцатилетнего на пасхальной службе в храме Воскресения Словоущего на улице Неждановой. Вспоминаю, как робел стоять там у всех на виду, с каким двойственным чувством совершал крестное знамение... Этот страх, в котором не стыжусь сознаваться, преследовал меня всю мою молодость. Боялся не только и не столько за себя — больше за отца. Чтобы не создавать ему ни реальных проблем, ни душевного дискомфорта, мама очень мудро оберегала его от всего, что в нашей жизни было связано с церковью. Дома вера была в безопасности, но я знал, что для внешнего мира это подполье. Когда уходил в армию, мой духовник подарил мне образок священномученика Никиты. Все время службы я носил его зашитым в военно-морской бушлат.

По счастью, все изменилось достаточно быстро. Уже для моих детей воцерковление было процессом абсолютно естественным. Пятилетняя Надя на вопрос, что самое главное в жизни, отвечала: «Терпение». А что самое трудное? — «Богу молиться и родителей кормить». По большому счету молитва — это действительно труд. И дело не в том, чтобы преодолеть порою лень или отступить от заполняющего твою жизнь быта. Дело во внутреннем сосредоточении и искренности, которых требует настоящая молитва. Однажды в Питере, во время съемок «Обломова», мы зашли на службу в Никольский Морской собор, и в какой-то момент я вдруг понял, что маленький Тёма исчез. Бросился искать и нашел — в углу, среди нищих, стоящего, как и они все, на коленях. Меня поразило, насколько непосредственно смотрелся он среди этих людей, и не были ему ведомы ни смущение, ни опасения, ни тревога, которые когда-то мешали мне в церкви быть искренне свободным.

Сегодня вся моя надежда — на детей, которых родители, бабушки и дедушки приводят на воскресную службу. Они порой шумят, плачут, баблуются, дерутся за право погасить догорающую свечку, получают за это подзатыльники, а тем временем незаметно и необратимо в них втекают сила и красота Божественной литургии. Пусть они пока не понимают ни единого слова — но происходит главное: удивительная музыка старославянского языка, звучание церковного многоголосья невидимо и неведомо соединяют их через века и с Александром Невским, и с Дмитрием Донским... Я свято верю, что скоро эти выросшие дети начнут формировать будущее нашей страны, не отделяя своих насущных мыслей и чувств от православия, на котором искони зиждились все представления русского человека о добре и зле.

Наша страна тысячелетие аукалась Евангелием. Возьмите великую русскую литературу — там все пропитано нашей верой. Крещение, Рождество, Пасха — это вехи, между которыми текла жизнь наших предков. Думаю, вера, надежда, любовь, труд и терпение — это и есть наша национальная идея.

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke at the end.

Евразийский оракул

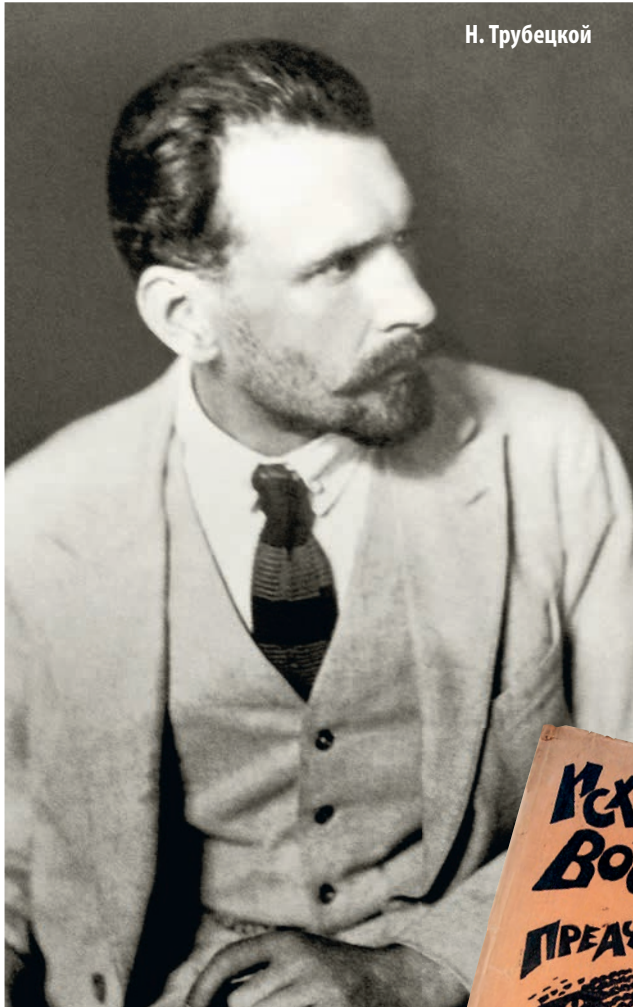

Н. Рерих. «Знамя грядущего», 1925

Ксения Ермишина

Николай Грубецкой (1890–1938) — один из самых видных и вместе с тем самых загадочных русских ученых XX века. Исследователи дают ему разные, порой противоположные оценки. Причисляют то к антифашистам, то к «крайне правым». Последняя характеристика в корне неверна — он не примыкал ни к одному политическому лагерю предвоенной Европы. А в конце жизни написал крайне «невыгодные» для себя статьи «О расизме», «Мысли об индоевропейской проблеме» — в защиту евреев и против норманнской расистской теории. За что подвергся преследованиям со стороны гестаповцев. Но не в этих, очень смелых, заведомо чреватых крупными проблемами трудах главная заслуга мыслителя.

Н. Трубецкой

АНТИГЛОБАЛИСТ, выдающийся интеллектуал, Трубецкой знал более сорока языков. Фонолог, определивший контуры современного языкознания, на Родине он, скорее, известен как основоположник евразийства. Хотя в конце 1920-х самолично признавался в «ненависти» к евразийству. Где же подлинный Трубецкой, в чем наиболее точно отразилась его мысль?

Он родился в семье известного русского философа, первого выборного ректора МГУ, друга Владимира Соловьева. Рано проявил свою одаренность. Первые научные работы пишет в 14 лет, с пятнадцати публикует собственные статьи. Впоследствии рассказывал шутиливую историю о том, как обиделся один русский этнограф, получивший от него письмо научного содержания. Пришел поговорить с автором послания и застал гимназиста, занимавшегося с репетитором...

Революцию Трубецкой встретил на Кавказе, откуда смог выбраться только через год. Отступая вместе с

Добровольческой армией, семья, как и многие другие опасавшиеся расправы большевиков, оказалась в Крыму, а затем в Софии. В 1923 году Николай перебрался в Австрию, став профессором славянской филологии Венского университета. Там создал множество работ по основной специальности, оригинальные литературоведческие труды. Но вершиной его творчества стали «Основы фонологии». Автор проанализировал более ста языков, выявил общие законы, которым подчиняются слово, фонема, язык как таковой.

Евразийство берет начало в Софии, где встретились молодые мыслители-эмигранты: экономист и географ Петр Савицкий, музыковед Петр Сувчинский, религиозный философ Георгий Флоровский и сам Трубецкой. Они выпустили сборник «Исход к Востоку», в котором провозгласили рождение нового культурного и политического курса русской цивилизации.

Евразийцы говорили о глубоких корнях революции и большевизма, о том, что эту социальную болезнь можно преодолеть в процессе религиозно-культурного делания и самопознания. Но не с помощью внешней интервенции, как думали многие эмигранты. Данной теме посвящена книга Трубецкого «Европа и человечество» (1920). В этом труде он исследует болезненный национальный вопрос, указывая на господство в Старом Свете убеждения: высшей расой в цивилизационном отношении являются европейцы, а европейская культура должна охватить все человечество. Автор замечает, что народ, приобщившийся к западным ценностям, начинает ставить свою культуру на второе место, оценивая себя с точки зрения романо-германского эгоцентризма. Это приводит к потере народного единства: в высших слоях общества идут интенсивные процессы европеизации, в низшем (а также среди традиционалистов) — решительное отталкивание от модернизма. Отсюда — низкая культурная продуктивность народа-заимствователя, ослабление патриотизма, отсутствие национальной гордости, потеря веры в себя. Для сохранения самобытности народ и каждый отдельный индивид должны следовать двум максимам: «Познай самого себя» и «Будь самим собой».

В других «евразийских» статьях Трубецкой утверждает, что по многим признакам (танец, орнамент, фольклор) русская народная культура примыкает именно к христианскому Востоку. Определяя этнографический состав низов, он приходит к выводу о том, что здесь основными элементами, помимо славянского, выступают туранский и угро-финский.

Выдвигает тезис: «Россия до Петра Великого по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодотворной продолжательницей Византии... вступив на путь романо-германской «ориентации», она оказалась в хвосте европейской культуры».

По мнению философа, Россия как великая европейская держава уже невозможна. Но может занять лидирующее положение среди восточно-азиатских стран. Над ней нависла опасность превращения в одну из западных колоний, и, чтобы не попасть в унижительную зависимость, она должна осознать свое новое национальное призвание.

Видение отечественной истории Трубецкой изложил в книге «Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока)», где, в частности, заметил: основа нашей государственности была заложена не в Киевской Руси. «Географическое задание» той заключалось в товарообмене между Балтийским и Черным морями, что в известный момент оказалось невыполнимым. Русское государство надо рассматривать как часть империи Чингисхана. И даже более того — как «продолжателя исторического дела Чингисхана».

Главная миссия преемника состояла в объединении Евразии — в виде экономического, географического, этнологического целого. Русь стала центром империи без выхода к морю, будучи связанной системой непрерывных степей. С этой точки зрения, Киевская Русь и Русь Московская — конкуренты, как речная и степная цивилизации. Обособление Москвы от Орды произошло во время покорения Казани, Астрахани, Сибири, когда русские сами приступили к созданию евразийской империи.

Новый тип московско-русской государственности покоился на началах «бытового исповедничества» — крепкой спаянности быта

и веры, истовой религиозности, верности традициям. Хранителем последних и оплотом государственности был царский двор. В XVII веке перед Москвой встала задача защиты от Запада. Политика высших кругов привела к расколу общества, отвержению традиций, кризису религиозного уклада.

С Петра I начинается период «антинациональной монархии», уклонения от исторического пути. В конечном итоге через два столетия это привело к национальной катастрофе, а главную роль здесь сыграл импортированный с Запада коммунизм.

«Если СССР действительно вступит на путь демократии, этот путь будет гибельным, — притом не только для большевиков, но и для самой страны»

1930-е стали периодом религиозного, политического и социального кризиса в Европе. Фашистские и националистические режимы торжествовали победу.

Фашизм Трубецкой рассматривал как особый вид психоза, охвативший широкие слои населения, особенно молодежь, лишенную религиозно-нравственных устоев. Это «такое же романо-германское явление, как и демократия, да к тому же еще явление явно враждебное России и всему русскому... Он (фашизм) антикультурен и даже... антинационален, ибо тормозит развитие национальной культуры».

Будучи противником и советско-пролетарской идеологической модели, философ тем не менее полагал, что разрушение коммунизма в России принесет большие беды: «Если СССР действительно вступит на путь демократии, этот

путь будет гибельным, — притом не только для большевиков, но и для самой страны. Если же демократия... будет липовая, то в глупом положении окажутся те, которые примут ее всерьез». Любопытное предвидение, не правда ли?

С введением демократии, писал он, «СССР распадется на ряд «независимых» (на самом деле вассальных, зависимых от разных великих и невеликих держав) республик».

Лучший выход для страны он видел в сохранении политической системы, мягком переходе к национальному, традиционному пути, при котором правящая элита не будет озирается с подобострастием на Запад. Если же восторжествует идеократия (торжество национальных и государственных приоритетов) и сохранится целостность государства, то политическая идеология неизбежно отождествится с евразийством. Западная демократия для России — всего лишь модификация прежней советской идеологической системы и в силу специфики территории, климатических условий и исторических традиций категорически неприемлема.

Многopартийная система подразумевает предвыборную гонку, выдвижение программ, по сути, не решающих ничего. Без подобных гонок, с их неизбежными собраниями, митингами, агитационными плакатами и т.д., «громадные денежные средства, расходуемые на всю эту ерунду, идут на функционирование союзов и обществ, занятых деловой работой». России подходят этатизм (доминирование государства в экономике), идеократия, общеевразийский национализм.

Трубецкой ожидал войны и чувствовал, что мир находится на пороге тяжелых испытаний. Он представлял грядущее как радикально новое, неведомое, понимая, что значительную роль в будущем сыграет техника, которая не освободит, но нравственно опустошит и поработит человека.

Н. Трубецкой с участниками Международной фонологической конференции. Прага. 1930

Одновременно осознавал, что мир стремительно движется к интеграции, к системе «мирового хозяйства в общем котле». Философ выступил противником глобализма, но отделил потенциально автаркические государства, представляющие «особые миры» (Россия, Индия, Китай), от маленьких стран-монолитов, для которых автаркия разорительна. «Особые миры» должны взаимодействовать как равные, хотя и не сообщающиеся — культурно, мировоззренчески — величины. Для того чтобы не происходило поглощения тех, кто слабее, должен быть урегулирован ряд основных вопросов, связанных с особенностями финансовой и экономической автаркии, стандартами жизни и благоденствия. Проблема в том, что стремление к глобализму предполагает единый тип цивилизации, но разные жизненные стандарты, а это порождает социальное неравенство и конфликты. При автаркическом сценарии развития мирового хозяйства возникает несколько

типов цивилизаций, для которых вырабатывается условно-единый стандарт жизни и достатка.

Трубецкой видел будущее Европы как объединение равноправных, взаимодополняющих государств, однако считал, что в такой системе не должно быть места колониям, введение которых в общеевропейский экономический и культурный мир будет чревато различными бедствиями. Осуждал стремление фашистской Германии к своей «особой миссии», поиски арийских корней: «Немцы — органический член Европы, и самознание их должно быть направлено именно на то, чтобы понять свое историческое место и свою истинную функцию в общеевропейском организме». С другой стороны, если у какого-то народа появляется навязчивая идея собственного превосходства, то либо он попал не в свое «месторазвитие» и боится поглощения более сильными народами-конкурентами, либо в глубине души чувствует себя ниже других народов, компенсируя

это самоощущение навязчивыми идеями.

Николай Сергеевич прожил всего 48 лет, но за это время успел сделать невероятно много. Он был подлинным консерватором, человеком очень религиозным, и это гармонично сочеталось с его гениальной интуицией и трезвостью мысли. Трубецкой открыл новые пути в филологии и политической философии. По многогранности, разносторонности интересов и достижений его можно сравнить, пожалуй, с «русским Леонардо», о Павлом Флоренским.

Н.С. Трубецкой осознавал, что его идеи будут востребованы много лет спустя: «Мы создадим ценности, которые со временем (лет через 50) можно будет использовать в России». Предсказание исполнилось буквально: именно через полвека после написания тех строк, в Россию начало возвращаться наследие русской эмиграции, и труды основоположника евразийства заняли в нем весьма значимое и почетное место.

Н. С. Фросте.
«Портрет
А. В. Суворова».
1833–1834

Последний триумф

Валерий Шамбаров

Парадный мундир со всеми орденами Александр Васильевич Суворов в последний раз надел на Пасху, в апреле 1800 года. Генералиссимус стоял на праздничной службе, вдохновенно подхватывая за священниками и певчими: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...» Спустя месяц он ушел в мир иной. В гробу лежал в том же мундире. Награды несли перед катафалком...

О СУВОРОВЕ написано много и научной, и популярной, и художественной литературы. Каждое его сражение разбирали, что называется, вдоль и поперек. Биографы детально исследовали его личную жизнь, вкусы, взгляды, знакомства. Изучалась деятельность в качестве администратора, дипломата. Но лишь сравнительно недавно на суд общественности были представлены работы, подробно раскрывающие его духовный облик (например, книга Марии Жуковой). А ведь эта сторона жизни важна чрезвычайно. Более того,

она была и остается во многом определяющей. Православие служило той самой основой, без которой невозможно понять характер, психологию, мораль великого полководца и даже оценить его военный гений, истоки и секреты побед.

Вера Суворова и впрямь была особой. Глубокой, искренней. Без мудрствований и условностей. Честной и чистой, как у детей. Как у русского простонародья, еще не испорченного соблазнами. Кстати, именно это роднило Александра Васильевича с солдатами, с его «чудо-богатырями». Ведь он вовсе не подстраивался под них, малообразованных в массе своей мужиков. И тем не менее солдаты чувствовали в нем своего. Духовный стержень у них был общим.

Военачальник показывал достойный пример православной жизни. Воспоминания современников наперебой сообщают нам, что он регулярно бывал в церкви. И не просто отстаивал службу, а сам исполнял обязанности дьячка, читал «Апостол», пел на клиросе. Причем относился к этому крайне серьезно — каждое утро после чая занимался духовным пением по нотам. Строго постился. В легкомысленном XVIII веке это даже вызывало насмешки вельмож. Но Суворов не смущался. Он знал, как обязан поступать по церковным правилам. Так и делал.

Значительные суммы жертвовал на строительство и содержание храмов. Говорил: «Я и всех своих оброков на этот предмет нимало не жалею». «Суворовские» церкви выросли в местах, где стояли его полки и дивизии. Появлялись в укреплениях, которые он возводил в Крыму, на Кубани, в Новороссии. И, конечно же, в его имениях. Правда, большинство этих храмов были деревянными. Сейчас на их месте высятся уже более поздние постройки. И все же один подлинный «суворовский» сохранился — в селе Кистыш, недалеко от Суздаля. Эту церковь Александр Васильевич построил в честь небесного покровителя своего отца (к тому времени умершего) — св. Василия Великого. Два придела — в честь св. Александра Невского, покровителя самого Суворова, и Ильи Пророка. Храм дважды пробовали взорвать в советское время. Но не вышло, устоял. До нас он дошел в плачевном состоянии, и лишь три года назад стараниями фонда «Омофор» развернулись работы по его восстановлению.

Православное мировоззрение постоянно проявлялось и в полководческом искусстве Суворова. Всем известна его триединая формула «глазомер, быстрота, натиск». Но присутствовала еще и четвертая составляющая. Смирение.

Он никогда не приписывал успех себе — принимал его от Бога. Себя же видел всего лишь Его служителем. Писал дочери: «Я ничтожный прах и в прах обращаюсь». «Господь дарует мне жизнь для блага государства. Обязан и не замедлю явиться пред Его судилище и дать за то ответ».

Для кого-то, вероятно, это выглядело как показное. Но у Суворова все было искренним. В 1787-м турки начали высаживать под Кинбурном десант в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы, когда Александр Васильевич стоял на Божественной Литургии. Он дождался конца службы. Не из тактических соображений, а просто веря — Литургию нельзя прерывать! Надо угодить не людям, но Богу — и Он поможет. И помощь в самом деле подоспела, врага в трудном бою скинули в море. В сражении при Треббии, когда пришлось совсем худо, Суворов слез с коня, пал на землю и молился. Опять не напказ, а горячо, всей душой — и ему вдруг пришло в голову неожиданное победоносное решение.

Подчиненных он учил тому же — доверяться Господу. «Молись Богу, от Него победа!» «Бог нас водит, Он наш генерал!» Веру считал важнейшим боевым фактором. Говорил: «Безверное войско учить — что

Н. ШАБУНИН. «ОТЪЕЗД А.В. СУВОРОВА ИЗ СЕЛА КОНЧАНСКОГО В 1799 ГОДУ»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

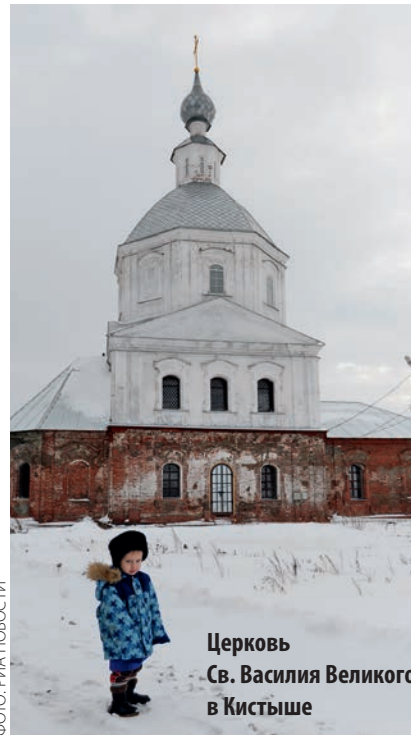

ФОТО: РИА НОВОСТИ

перегорелое железо точить». В тетради «капральских бесед» привел краткую, но емкую молитву Пресвятой Богородице, святителю Николаю Чудотворцу и строго наставлял: «Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай!», «Один десятерых своею силою не одолеешь, помощь Божия нужна! Она в присяге: будешь богатырь в бою, хоть овцой в дому; а овцой в дому так и останешься, чтобы не возгордился...»

Именно в этом заключался один из главных секретов суворовских побед: действовало православное воинство во главе с православным полководцем. «Глазомером» определялось слабое место врага. «Быстротой» обеспечивалось появление в нужное время в нужном месте. «Натиск» помогал сокрушить неприятеля. При этом все отдавалось на Божью волю. Без сомнений и колебаний. И творилось невероятное.

Масштабы и уровень побед Александра Васильевича развивались по нарастающей: Ландскрона, Столовичи, Краков, Туртукай, Гирсово, Козлуджа, Крым и Кубань, Кинбурн,

Фокшаны, Рымник, Измаил, Прага (пригород Варшавы). И, конечно, Италия — в тамошних сражениях на 75 погибших французских солдат (великолепно обученных профессионалов) приходился лишь один русский! Разве не чудо? А беспримерный швейцарский подвиг?

Чаще всего биографии Суворова завершаются переходом через Альпы. Это как бы высшая точка жизненного пути. Вершина полководческого мастерства и доблести. Дальше — болезнь, смерть, знаменитая лаконичная эпитафия: «Здесь лежит Суворов». Казалось бы, самое время поставить точку. Однако тут-то и следует указать: в жизни Александра Васильевича была еще одна битва. Не менее трудная, чем штурм Измаила или Праги. Кстати, последний поход полководца насыщен впечатляющими знаками, символами. Из долин Италии — в горы. Заснеженные перевалы Сен-Готард, Паникс — словно ступени, лестница, ведущая дальше, ввысь...

Тем не менее еще одно невероятно трудное испытание обязательно должно было состояться. Ду-

ховное. Об этом свидетельствует и Евангелие. «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Матф.11:12). В нашем распоряжении имеются и более конкретные факты. Причем общеизвестные! Удивительно, что до сих пор никто не взглянул на них под соответствующим углом...

Сразу же после блестящего спасения армии из окружения в Альпах на Суворова обрушиваются ураганы почестей. Павел I жалует его наивысшим и редчайшим чином генералиссимуса. На него сыплется дождь орденов различных держав. Он самая популярная личность, его имя гремит по всей Европе.

В его честь устраиваются пышные торжества в Германии, Чехии. В городах его встречают с музыкой, хоры исполняют специально написанные кантаты. Он останавливается в Праге — в театрах представления предваряются торжественными прологами о Суворове. Публика приветствует стоя, бурные овации подолгу не утихают...

В январе Александр Васильевич выехал домой. В дороге ему стало плохо. Он слег в своем имении в Кобрине.

А между тем увлекшийся царь придумывает все новые и новые награды. В Петербурге Суворову собираются при жизни поставить памятник (в это время в столице был лишь один — «Медный всадник»). Павел издает повеление отдавать Суворову императорские почести — даже в присутствии императора. Войска обязаны преклонять знамена, господа и дамы — выходить из карет. Для проживания ему выделяют покои в Зимнем дворце! Триумфальную встречу расписали аж от Нарвы. Наметили выслать туда царские экипажи, построить в Петербурге шпалеры гвардии. При проезде Суворова должны были громыхать сплошные салюты, фанфары, звенеть колокола, катиться вообще «ура»...

Но потом все это вдруг рассеивается. Отнимается, перечеркивается — и полководец оказывается снова в роли опального. Попробуйте оценить такой поворот не с политической, а с православной точки зрения. Насколько чудовищные выпали на долю национального героя искушения! Какие проверки на прочность! И какой человек удержался бы, чтобы не возгордиться? А потом — не озлобиться?

Но с духовной точки зрения все закономерно. В течение всей жизни Суворову приходилось сталкиваться с разными противниками. То с поляками, врагами православия. То с турками, противниками христианства. Потом — с безбожниками французами. На заключительном этапе на Александра Васильевича ополчились темные силы иного плана...

6 марта, когда он лежал в Кобрине, к нему примчались придворный врач Вейкарт и сын Аркадий. Последний взахлеб расписывал отцу, какие небывалые почести готовятся для него в столице. Но Суворов был настроен далеко не столь во-

сторженно. Шел Великий пост, и Александр Васильевич именно в эти дни писал Покаянный канон: «Что Тебе воздам, Всесильный Господи, за толикое ко мне милосердие и чем соделаюсь достойным распятия Твоего, Христе? Прах Твоего создания к Тебе вопиет...» «Се на умоление предлагаю Тебе, Господи, Матерь Твою Пречистую и всех от века Тебе угодивших... прими ходатайство их за меня недостойного, не вем уже, что более тебе изрешит: Твой есмь аз, спаси мя!»

Вейкарт противился тому, что больной соблюдал ограничения поста. Но тот был неумолим и подобные рекомендации врача от-

Больной был неумолим и рекомендации врача отменял. Постился без послаблений. Невзирая на самочувствие, не пропускал церковные службы, клал земные поклоны

менял. Постился без послаблений, как положено. Невзирая на самочувствие, не пропускал церковные службы, клал земные поклоны. Лекарю говорил: «Мне нужна молитва в деревне: изба, баня, кашница и квас...» И оказался прав. В скором времени полегчало, он выехал в Петербург.

И вот тут отношение к нему при дворе стало резко меняться. Злопыхатели подсказывали «чувствительному» императору, в чем «провинился» Суворов. Навстречу понеслись раздраженные приказы, обвинения. Он-де нарушил мелочное предписание Павла, запрещающее держать при штабе дежурного генерала. Полки, возвращавшиеся из Италии, разболтались. Отмечены нарушения прусской формы, об-

резаны косы, шаг не соответствует «установленному».

Пасху Суворов встретил в Риге. Разговелся в доме губернатора. После этого ему стало хуже, а от Павла I летели новые знаки немилости...

В Стрельне полководца встретили друзья, дамы кидали в карету цветы, подносили детей под благословение. Но это была лишь инерция прежних настроений. Тут же грянуло, как гром, известие о том, что никакой торжественной встречи вообще не будет. Александру Васильевичу предписали въехать в столицу вечером, не привлекая ничьего внимания. 20 апреля (ст. ст.) в сумерках карета протачилась по пустым улицам, остановилась возле дома родственника Суворова, Д.И. Хвостова. Верный камердинер Прохор на руках отнес больного в постель.

Удары сыпались, не прекращаясь. Прибыл фельдъегерь с распоряжением: «Генералиссимусу князю Суворову не приказано являться к государю». Затем свалилось повеление императора: отобрать у полководца всех адъютантов... Нет, Александр Васильевич даже теперь не озлобился. Он и это принял со смирением. 6 мая пожелал причаститься Святых Христовых Тайн. После исповеди и причастия произнес: «Семьдесят лет я гонялся за славою — все мечты. Покой души — у Престола Всевышнего». Это были последние слова Суворова, обращенные к окружающим.

Потом он начал горячо молиться. Дыхание сбивалось, угасало — а лицо прояснялось, светлело. Стало благоговейным и спокойным.

Хоронили его 12 мая в Александро-Невской лавре. Парад столичных полков он все-таки принял — из гроба. Погода была великолепная. Солнечная, яркая. А в православных храмах в эти дни еще звучал радостный пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав...»

Великие реалисты

За стол родня вся соберется

Ксения Воротынцева

Тема Воскресения Христова — константа нашей живописи. Веками к ней обращались иконописцы. Не могло остаться в стороне и светское искусство. Ведь Пасха — не только главный, но и самый красивый православный праздник. Картины лучших русских художников убедят в этом кого угодно, в том числе тех, кто не видел такое празднование воочию.

РЕЛИГИОЗНЫМИ сюжетами перманентно интересовался Карл Брюллов. Ему, к примеру, принадлежит проект росписи Храма Христа Спасителя — «Христос воскресший» (1843). Николая Кошелева, ставшего в итоге одним из художников, украсивших этот Храм (а также Спаса-на-Крови), наоборот, скорее, привлекал русский быт. Благодаря его картине «Дети, катающие пасхальные яйца» (1855) мы узнаем об утраченном в наше время обычае. Точнее, своеобразном соревновании: нужно скатить яйцо по деревянному желобку. Заденешь какой-нибудь предмет — он твой, нет — яйцо станет добычей кого-то другого, более меткого. У этой шуточной игры был, конечно, и религиозный подтекст: яйцо олицетворяло камень, откатившийся по воле ангелов с Гроба Господня перед воскресением Христа. С еще одним давним обычаем знакомимся на полотне «Пасха» (1885) Иллариона Прянишникова: дворовые люди поздравляют хозяйку — дарят крашенки. А знаменитый «мирискусник» Борис Кустодиев показал христосование при встрече — поцелуи и поздравления.

Нередко обращались художники и к обрядовой, ритуальной стороне праздника. Брат Константина Маковского Владимир в картине «Молебен на Пасху» (1887–1888) нарисовал толпящихся во дворе крестьян, одетых в яркие одежды. Хороша, притягательна своим ненавязчивым символизмом «Русская Пасха. Крестный ход» (1920-е) Николая Рериха: стемнело, из окошек и дверей церкви льется теплый свет, словно согревая тех, кто уже пришел или все еще спешит на всенощную.

Отдельная тема — праздничный стол. На дореволюционных полотнах он обычно с высокими куличами, украшенными бумажными розами. Именно пасхальной трапезе посвящено, пожалуй, большинство работ. Вот «Пасхальный стол» (1915–1916) Александра Маковского (сына Владимира Маковского): румяный кулич, пирамидка творожной пасхи, рядом — блюдо с крашенками, фрукты, графин... Все уставлено цветами: особенно прекрасны нежные гиацинты в горшках. И уютный интерьер: тяжелые портьеры, картины на стенах, диван с плюшевой обивкой...

Дореволюционную атмосферу замечательно передает работа передвижника Станислава Жуковского «Пасхальный натюрморт» (1915). Здесь на круглом деревянном столе, покрытом белой скатертью, расставлены яства: и кулич, и нежная творожная пасха, и разноцветные крашенки. Цветы — вновь гиацинты в небольших горшочках, а в углу комнаты — полосатый диван, расшитые подушки...

Есть среди таких картин и акварели великой княгини Ольги Куликовской-Романовой, сестры Николая II. Натюрморты, созданные уже в эмиграции, наполнены этакой тихой благодатью: опять море цветов (в том числе и розы), гигантские куличи, которые некогда пекли в царской России. Но в целом обстановка скромная, даже аскетичная.

После 1917-го религиозные сюжеты вопреки ожиданиям не исчезли из отечественной живописи. Например, советский классик Аркадий Пластов создал один из лучших пасхальных натюрмортов, где сочно и живо, как умел только он, написал и разрезанный кулич, и бумажные цветы, которыми по-прежнему украшали стол, и даже фигурку барашка, символизирующего жертвенного агнца (вторая половина 1920-х). Кисти Пластова принадлежат и «Куличи» (1953): освящение пасхальной трапезы в церкви.

Нынешние художники продолжают добрые традиции. Вот «Светлое воскресенье» (1998) Сергея Смирнова. Распахнуто окно, за деревьями — силуэт церкви, а на столе близ окошка — небольшой кулич, раскрытая книга. Тихая радость, передаваемая зрителю.

Обращаются современные мастера и к праздничным натюрмортам, хотя многие традиции украшения стола утрачены. Нет больше запеченных поросят, как на одной из картин передвижника Михаила Гермашева. Да

С. Колесников. «Перед пасхальной службой»

и куличи не такие высокие, как во времена оны. Иначе в духовку не влезут. «Пасхальный натюрморт» (1991) Федора Вдовина вмещает в себя кулич, украшенный розами, крашенки да вазу с вербочками. Есть, впрочем, и такие полотна, на которых изображен почти по-старинному богатый стол. Например, у Яны Патокиной («Пасхальный натюрморт», 2010). Здесь видны и облитые помадкой куличи, и крашенки, и конфеты в ярких обертках, и рушник. Но в целом все куда скромнее, чем сто лет назад.

И все же в главном традиции не изменились. Пока крепка в России православная вера, такими же останутся и они.

Б. Кустодиев. «Пасхальный обряд (Христосование)». 1916

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Божественная трагедия

Логотип Года литературы в России украшают три графических профиля — Пушкина, Гоголя и Ахматовой. О втором из этой великой троицы, первоапрельском имениннике автор книги «Гоголиана и другие истории» Владислав ОТРОШЕНКО знает практически все. «Свой» обратился с просьбой поделиться мыслями, наблюдениями, выводами на тему «Николай Гоголь и его вера».

РЕЛИГИОЗНОСТЬ Гоголя — глубокая, даже неистовая. В большей мере чувственная, нежели умственная. Ощущение разлитого в мире зла, присутствия невидимых адских сил было врожденным. В минуты отчаяния ему казалось: эти силы настолько могущественны, что способны отгородить человека от Бога, сделать его богопокинутым.

О мистической вере Николая Васильевича свидетельствуют два эпизода. Первый произошел с ним в раннем детстве. Гоголю было около пяти лет. Он остался дома один. Сидел на диване и вдруг увидел, что к нему приближается черный котенок. Мальчику представилось, что в животном сосредоточены все силы ада. Тут еще раздался бой напольных часов, отсчитывающий «ход времен». Он утопил котенка в колодце. Даже став взрослым, Гоголь глубоко-

А. ИВАНОВ. «ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА НАРОДУ». ФРАГМЕНТ. 1837–1857

ко раскаивался в этой своей детской жестокости. Хотя дело было не в ней — он всю жизнь ощущал присутствие темных сил, незримо окружающий мир. Такое видение не свойственно человеку XIX века — скорее, это признак средневекового сознания.

В другой раз картины преисподней открылись перед ним незадолго до смерти. В январе 1852-го он беседовал в Москве со своим духовником, отцом Матвеем Константиновским, протоиереем из Ржева. Тот, требуя отречься от духа Пушкина и писательства, вещал ему об адских муках, которые ждут грешников за гробом. «Довольно, оставьте, не могу долее слушать! Слишком страшно!» — прервал его Гоголь.

Казалось бы, чего так испугался? Сцены ада есть и на церковных фресках, и в писаниях святых отцов, на которые ссылался протоиерей. Эти слова Гоголь, конечно же, слышал не в первый раз, и на любого другого подобные проповеди не

произвели бы особого эффекта. Но Николай Васильевич обладал воображением колоссальной силы, слова были для него конкретикой. Он боялся остаться один на один с сонмом чудовищ.

Этот страх терзал писателя. «Молитесь за меня» — было лейтмотивом всех его последних писем — к родным, к друзьям. И хотя Гоголь часто сомневался в силе своей веры, он верил по-настоящему. Не случайно художник Иванов изобразил его в одной из фигур на полотне «Явление Христа народу» и расположил ближе всех к Иисусу.

Для читателя всегда будут существовать два гоголевских полюса. Один — художник, другой — наставник, чьи поучения звучат в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Кстати, эта книга навлекла на него стрелы критики со всех сторон. После публикации Белинский назвал его «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских

нравов». Отец Матвей также не принял книгу, благодаря которой состоялось их заочное знакомство. Писатель послал священнику «Выбранные места...», тот ответил коротко: «За эту книгу Вы ответите перед Богом».

Это было самое страшное из того, что мог услышать Гоголь. Он мужественно сносил любую критику. Как только не ругали его за «Мертвые души» — «галерею монстров и уродов», клевету на Россию... И тем не менее пойти против Бога для него было немислимо. Гоголь отправил отцу Матвею еще одно послание — пытался оправдаться. Позже Константиновский (и это было искреннее желание самого Гоголя) стал его духовником.

В те времена существовали и более либеральные священники, но, похоже, писателя прельщала жесткость ржевского протоиерея, лечившего его по «тяжести болезни».

Вообще, фигура отца Матвея для гоголеведов неоднозначна. Кто-то считает, что он был прав в своей бескомпромиссности. Другие — что общение с ним стало слишком болезненным для ранимой, эмоциональной натуры. За две-три недели до смерти Николая Васильевича между ними произошла очередная размолвка. Гоголь провожал духовника на вокзал. По дороге они почти поссорились. Вскоре писатель в короткой записке, посланной в Ржев, извинился — за то, что вел себя черство и не подарил шубу, которую обещал. Отец Матвей ответил: было доброе намерение, оно и зачтется. Но в конце добавил: «Что-то боюсь я за Вас, как бы не оборол Вас наш общий враг».

Эти слова стали своего рода звуковой волной, сдвинувшей лавину. Жуткое ощущение «присутствия» снова обрушилось на Гоголя. Дальнейший исход общеизвестен — сжег второй том «Мертвых душ»...

Конечно, он не пребывал в мрачных раздумьях постоянно. В его творчестве есть и очень светлые моменты религиозного чувства.

О Пасхе, к примеру, писал: «День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него человека».

«Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — праздник Светлого Воскресения воспряднётся, как следует, прежде у нас, чем у других народов!»

Главные идеи праздничного мироощущения: освобождение, спасение человечества, преодоление смерти, пафос утверждения и обновления жизни. В этот свод включаются также мысли о единении и сплочении, братстве людей как детей общего Отца Небесного.

Земным воплощением рая для него был Рим. Ада — вся заальпийская Европа. Потому что туда он ездил по принуждению своих болезней — лечиться на водах. Там ему не писалось, там не сдвигались с места «Мертвые души».

В Вечном городе он жил на Via Felice, дословно — Счастливой улице. Само восприятие действительности подвергалось здесь таким изменениям, которые делали его в высшей степени светлым, устойчиво радостным, пригодным для неуязвимого обитателя рая. В пределах Рима Гоголь обретал способности, не доступные ему ни в какой другой части земного пространства.

О дарованной ему в Риме райской неуязвимости он писал своей петербургской ученице Марии Балабиной, говоря о себе в третьем лице: «Можете ли вы понять те ужасные упреки, те терзания адские, невыносимые, которые он слышит в себе. Теперь, вообразите, над этим человеком, не знаю почему, сжалилось великое милосердие Бога и бросило его (за что — право, не понимаю, ничего достойного не делал он), бросило

в страну, в рай, где не мучат его невыносимые упреки, где душу его обняло спокойствие, чистое, как то небо, которое теперь окружает...»

Напротив, в Германии, в Швейцарии Гоголь нередко впадал в неодолимую депрессию, ругал эти страны, говорил, что в них он чувствует «медвежье дыхание Северного океана». Столь радикальный

Земным воплощением рая для него был Рим. Ада — вся заальпийская Европа. Потому что туда он ездил по принуждению своих болезней. Там ему не писалось, там не сдвигались с места «Мертвые души»

дуализм мироощущения объясняется прежде всего детскостью восприятия. В нем жила душа ребенка. Как это всегда бывает с большими художниками.

Многие поступки Гоголя необъяснимы с точки зрения взрослой логики. Биографы до сих пор гада-

ют, что с ним происходило, когда однажды он нанял извозчика и отправился в московскую Преображенскую больницу для душевнобольных. Была зима. Глубокий снег. Гоголь вышел из саней и долго стоял перед воротами в нерешительности. Долго о чем-то раздумывал. Потом сел в сани и уехал.

Есть версия: решил сдаться врачам, понимал, что душевно нездоров. Но это вряд ли. Гоголь даже перед смертью категорически отказывался от медицинской помощи. Скорее всего, хотел узнать будущее у знаменитого юродивого Ивана Яковлевича Корейши, к которому приходили многие литераторы, светские люди. Остановила, думаю, не природная робость, а понимание греховности помысла: одно дело — услышать прорицателя на площади, другое — специально искать ответов.

Гоголь работал на высшей точке взлета вдохновения, никогда не творил в успокоенном, ровном состоянии души. Такой же силы были и спады. С его религиозным чувством, надо полагать, происходило нечто похожее: его вера была так же осязаема, как и страх перед силами ада.

И. РЕПИН. «ГОГОЛЬ И ОТЕЦ МАТВЕЙ». 1902

Хай-тек по-нашему

ФОТО: С.В. СУЕТОВА

280 лет назад родился наш соотечественник, в честь которого стали впоследствии называть российских изобретателей-самоучек, талантливых рационализаторов, юных, подающих большие надежды конструкторов и иных склонных к поискам нестандартных технологических решений самородков. Чем ценен для истории Иван Петрович Кулибин? В чем сила национального феномена, связанного с его славным именем?

И.П. Кулибин. Часы яичной формы.
1764–1767 гг. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2015

Страна мастеров

Дмитрий Антонов

КУЛИБИН происходил из довольно зажиточной семьи. Был старообрядцем. То есть вина не пил, табак не курил, заповедь, касающуюся продолжения рода, соблюдал буквально: в возрасте семидесяти лет женился в третий раз и обзавелся в этом браке тремя детьми. В дополнение к ранее рожденным.

Старовер — это нечто особенное для русского просвещения. По мнению религиозного историка о. Георгия Флоровского, старообрядчество в России было близко (не в вопросах верования, разумеется) самому «прогрессивному» европейскому протестантству. С присущей тому деловой этикой, любовью к книге, индивидуализмом и скептицизмом. Русские предпринимчивы в целом, но старообрядцы резко выделяются и из этих рядов.

Безусловно, Кулибин немало читал. Семейная установка на записанное — изначально сакральное, предвещающее творение — слово была обязательной. Самостоятельность и смелость мысли эти люди, из древлеправославных, довели до предела.

Иван Петрович был выдающимся инженером. Пропитанный истинно русским духом, наделенный даром приспособлять к ситуации имеющиеся знания, пользоваться для достижения цели подручными ресурсами и средствами, он воплотил в себе национальный гений современной ему эпохи.

Тогда механика являлась способом освоения новых просторов знания, была призвана породить свежее восприятие мира — заставить нас осознанно делать то, что мы всегда делали инстинктивно. Мы начинали говорить с Западом на одном языке и играть в одну игру. Иногда выигрывая партии, иногда — уступая, но всегда стремясь просчитывать замыслы соперника на несколько ходов вперед.

Огромное количество созданных Кулибиным механизмов поражает изяществом и тем, что сейчас в пору назвать следованием лучшим мировым стандартам — будь то микроскопы с телескопами, приборы для геодезии, гидродинамики, оптики, акустики, градостроительства и прочая-прочая, или устройства, делающие повседневный быт намного веселее и комфортнее. Конструировал он и такие вещи, для которых стандартов качества по тем временам не могло быть в принципе. Кулибин изобрел велосипед (свою знаменитую самокатку) задолго до появления первых велосипедов. Его проект арочного моста через Неву был оценен самыми маститыми зарубежными специалистами как

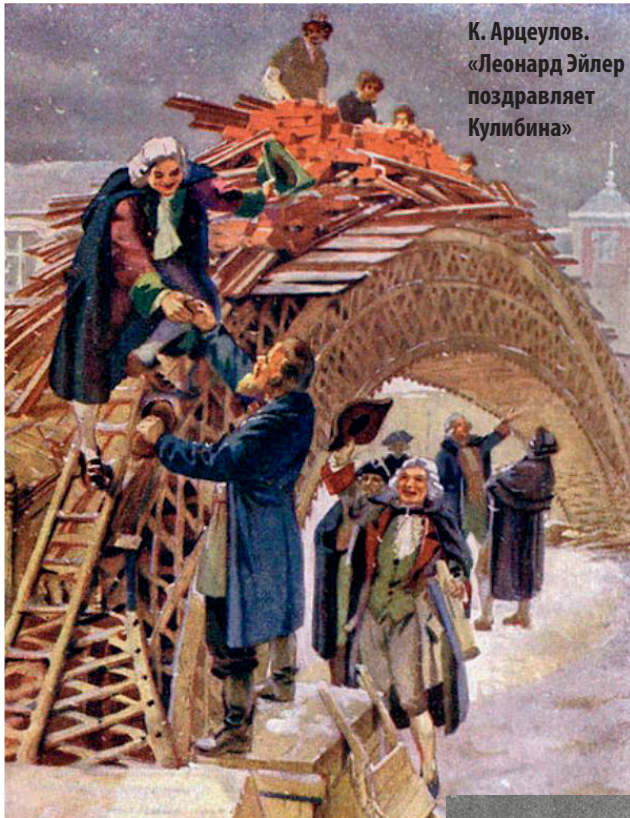
П. ВЕДЕНЕЦКИЙ. «ПОРТРЕТ И. П. КУЛИБИНА». 1818

бесподобное, не имевшее аналогов изобретение. Они цокали языками и открыто признавали: «Мы бы так не смогли, как бы ни старались». Его чудо-фонари многократно усиливали тусклый свет обычных свечей, озаряя не хуже электричества, а равно подавая с маячков мощные сигналы судам, искавшим, где причалить. Чудесные особенности одного экземпляра кулибинских часов советский академик И.И. Артоболевский описывал так: «В глубине чертога находился «гроб господень», и к его двери привален камень. По сторонам двери стояли два воина с копьями. Отворялись двери чертога, и появлялся ангел. Камень, приваленный к двери, отваливался, дверь, ведущая в гроб, открывалась, и воины падали ниц. Через полминуты появлялись жены-мироносицы, и часы под звон трижды исполняли церковный стих. После этого дверцы чертога захлопывались».

Далеко не все из его проектов воплотились в жизнь, но, кажется, сам Иван Петрович никогда не унывал: настоящий инженер понимает, что такое смета (ныне сказали бы «рентабельность»), а настоящий старообрядец — тем более.

В судьбе Ивана Кулибина много достойного внимания — мог бы получиться захватывающий телефильм серий на полста. Но биография — лишь фабула бытия. Главный жизненный сюжет — в том, КАК реализует человек замысел Божий.

Мистические озарения русскому свойственны, пожалуй, в той же степени, что и другим. Однако есть у него, «обычного» нашего самородка, и кое-что помимо означенного дара небес. Ломоносова всенародно

К. Арцеулов.
«Леонард Эйлер
поздравляет
Кулибина»

любим и чтим не потому, что он гениально сформулировал один из основных законов мироздания («закон сохранения»), но в первую очередь за то, что, по легенде, тот пешком из Холмогор пришел в столицу учиться. А потом и университет чуть ли не в одиночку построил.

В этом стремлении — наша сила. В преодолении пространства и созидании «через тернии». В превращении хаоса в красивый, обустроенный филиал сада Парадиз — с поправкой на климат.

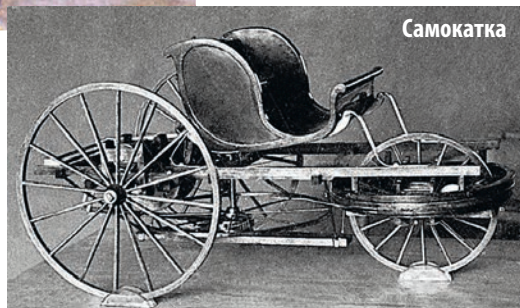
Там, где немец, этот вечный неудачник Европы, изведет кучу бумаги на изложение того, что ему кажется откровением, а потом удивится, отчего действительность не соответствует красивым схемам, русский станет просто действовать. Имея под рукой то, что есть. Конструируя вечность из обычных кусков льда или того, что на данный момент их заменяет.

Взглянуть на жизнь по-новому — это мы умеем. Русским не нужно осваивать постиндустриальный мир — мы от века живем в эпоху переработки информации.

Брали то, что попадалось, и сводили, например, в периодическую таблицу элементов. Получалось великолепно. До сих пор еще не все понимают, насколько мы всегда опережали время. И насколько нам интересно было влекать техносферу из подручных материалов. Нас влечут трудности и неизведанные пространства. Мы презираем изнеженные организмы, не носим мамины пирожки в походных ранцах, пользуемся плодами земли, по которой шагаем в наших завоеватель-

ных походах. Прирастив территории, обустроиваем их, согласно нашим представлениям о достойном. Не столько ясак собираем, сколько университеты возводим. Строим Русский Космос. Каждый наш поход нельзя просчитать, каждый шаг невозможно предусмотреть — мы бьемся на границе физического выживания. В этом наше подлинное счастье. На север, на север — там земля обетованная, возле мрачного и холодного моря, на кромке льда. Из русских получаются лучшие инженеры и лучшие офицеры. Посмотрите на карту — все станет ясно. У нас хорошая армия и хорошая разведка. Мы сами — армия. Наша мудрость — в участии глобального строителя. Который, построив нечто, не остается тут на ПМЖ, а рвется дальше. И снова строит.

В том, что фамилия Ивана Петровича стала у нас нарицательной, — верный признак того, что кулибиных среди нас каждый второй (да хоть бы и каждый десятый — все равно великое множество). Ведь не величают хороших русских поэтов «пушкиными» или «лермонтовыми», композиторов — «чайковскими», а художников — «репинными». Ибо нарицатель-

Самокатка

ность распространяется, как правило, на явления широкие, массовые. Всем понятно, о ком идет речь, когда поминают хлестаковых или молчалиных, маниловых или иудушек голловлевых. Та же история и с кулибинами, с той лишь принципиальной разницей, что типичность здесь

сугубо положительная, в высшей степени похвальная и почетная.

В нашей истории нетрудно разглядеть грустную закономерность: как только власть имущие начинают пренебрегать плодами трудов отечественных рационализаторов, изобретателей, в стране назревают смуты. Так было и в предреволюционный период конца XIX — начала XX века, когда Россия, располагая лучшими умами планеты, своим главным преимуществом отнюдь не воспользовалась. Так произошло и в годы «застоя» с пресловутой «перестройкой», когда под сукном у нас пылились мегатонны драгоценнейших, прорывных ноу-хау. Последние в конечном итоге утекли «за бугор» — вместе с уникальными мозгами, закрепившими научно-технологический приоритет западных «силиконовых долин».

Однако та же история знает и обратные примеры. Как только кулибины оказываются государством востребованы и мобилизованы, результаты изумляют весь остальной мир.

Но не нас. Мы-то всегда знали, на что способны русские в их оптимальном, рабочем состоянии.

Герой России

От первой Звезды

Сергей Александров

Рекордная статистика в судьбе космонавта, равно как и в жизни профессионального спортсмена, имеет особое значение. У одних она не выходит за рамки личных достижений, что тем не менее сопряжено с огромными волевыми и физическими нагрузками, усилиями и преодолениями. У других органично переходит в разряд общенациональных триумфов. Именно ко второй категории относится Сергей Крикалёв, рекордсмен планеты по совокупному пребыванию в космосе (более 803 суток). Первым из россиян он когда-то отправился в полет на американском шаттле. В числе первых астронавтов шагнул за порог начинавшей работу Международной космической станции. Впервые в истории космонавтики вывесил флаг государства на околоземной орбите.

ПО ГРУСТНОЙ иронии судьбы, стяг, закрепленный на сооруженной Крикалёвым 15-метровой ферме, представлял в тот момент страну, которой оставалось существовать совсем немного. Когда знаменосец вернулся на Землю, Советского Союза на картах мира уже не было. За заслуги перед Родиной по возвращении из космоса Сергей Константинович был удостоен высшей государственной награды — Золотой Звезды Героя Российской Федерации. И эта Звезда имеет первый порядковый номер.

Об уникальных достижениях Героя Советского Союза и Героя России можно рассказывать долго. Но вряд ли это имеет смысл в эпоху общедоступности электронных справочников. Сам же Сергей Константинович на эту тему распространяться не любит, следуя примеру Юрия Гагарина, «с честью прошедшего все испытания, в том числе испытание послеполетной славой». Крикалёв — один из немногих в истории космонавтики бортинеров, сумевших стать командирами экипажей. На вопрос журнала «Свой» о том, како-

вы были предпосылки для этого, ответил:

— Начну издалека. Стать космонавтом решил в юные годы. Учился в ленинградской школе №77 — с химическим уклоном. Узнав, что питерский Военмех некогда окончил Георгий Гречко, последовал его примеру. В свободное от учебы время занимался самолетным спортом в аэроклубе. Так вместе со знаниями, необходимыми бортинженеру, приобрел и основные навыки, которые требуются пилоту. Со временем все это пригодилось. В 2005-м мне довелось возглавить международный экипаж корабля «Союз ТМА-6». Бортинженерами там были американец Джон Филлипс и итальянец Роберто Виттори. А вообще, в современной космонавтике совмещение профессий стало уже почти обычным делом. Специалисты у нас просто вынуждены быть универсалами, «многостаночниками», осваивать работу с самыми разными механизмами и системами.

Универсальность Сергея Крикалёва (кстати, заслуженного мастера спорта России) дала о себе знать во многих сферах. Планетарную известность он приобрел и в качестве искусного фотографа. Его снимки, сделанные через иллюминатор космической станции, стали новым словом в развитии мирового фотоискусства. Постоянно кочующую по стране коллекцию космонавта «Живопись Творца», составленную как из «обычных» (на самом деле в них много поистине удивительного) фотографий, так и работ, выполненных с применением эффектов трехмерной визуализации, видели «живьем», наверное, сотни тысяч наших соотечественников — от школьников и студентов до руководителей государства. К слову, Королевское фотографическое общество Великобритании присвоило Крикалёву Почетное пожизненное членство «в знак признания

ФОТО: РИА НОВОСТИ

— Таких много, — говорит Крикалёв. — Вообще, удача в этом деле приходит тогда, когда успеваешь среагировать на что-то мгновенно, находясь при этом в постоянном и стремительном движении по орбите, к тому же — в невесомости. Необходимы специфические умения, знания, видение. Вот как вы себе

фотографических работ, созданных им во время пребывания в открытом космическом пространстве». Какие снимки космонавт-фотохудожник считает наиболее удачными, самыми дорогими для себя?

С. Крикалёв

Королевское фотографическое общество Великобритании присвоило Крикалёву Почетное пожизненное членство «в знак признания фотографических работ, созданных им во время пребывания в открытом космическом пространстве»

Альпы. Вид из космоса. Фото Сергея Крикалёва

представляете Землю с ее океанами, горами, долинами? Обычно так, как она выглядит на географических картах, не правда ли? В космосе же видишь все совершенно иначе. К примеру, над Китаем висит гигантское облако смога, над африканскими тропиками — густейший туман. Надо поймать такой момент, когда этих препятствий между тобой и объектом съемки не будет. Если получается, то не грех и порадоваться.

Как профессиональный космический фотограф он дебютировал еще в далеком 1988-м, во время своего первого полета. С тех пор, находясь далеко от Земли, с фотокамерой практически не расставался. Была она наготове и в момент уникального (впрочем, далеко не самого верного) шанса встретиться на пересекающихся орбитах с доживающей последние дни станцией «Мир». То есть появилась теоретическая возможность помахать рукой и сказать «прости-прощай» родному для многих наших кос-

монавтов орбитальному дому. Это случилось в начале 2001 года, когда интернациональный и в своем роде пионерский экипаж в составе Уильяма Шеперда, Юрия Гидзенко и Сергея Крикалёва обживал МКС.

— «Мир», мчавшийся со скоростью, в несколько раз превышающей скорость пули, заснять не удалось, — вспоминает наш собеседник. — Мы взглядами ловили эту точку, припав к разным иллюминаторам. Юрию вроде повезло, ее заметили, однако на хорошие снимки в подобных ситуациях рассчитывать заведомо не приходится.

Зато во многих других случаях фото у Крикалёва получались отменные, впечатляющие. Конечно, главную их ценность составляли и составляют не столько эстетические достоинства, сколько практическая полезность для ученых, исследователей, специализирующихся в самых разных отраслях. Хотя желание показать всем, насколько красива Земля из космоса,

у автора этих фоторабот не на последнем месте. Как и стремление максимально популяризировать среди соотечественников профессию космонавта.

Когда речь заходит о современной молодежи, ее моральных приоритетах, Сергей Константинович сразу же предостерегает от обобщений, оперирования «среднестатистическими показателями».

— Наверное, сейчас не так часто, как прежде, дети мечтают стать летчиками или космонавтами. Но упрекать их всех скопом в излишнем прагматизме лично я бы не стал. Немало и настоящих романтиков, ребят с горящими глазами. Сознание общества непрерывно меняется, причем по принципу качелей — то в ту сторону, то в обратную. Мне кажется, миновало то время, когда наши ценности уходили все дальше и дальше от традиционных. Ощущается постепенный возврат к тем нормам и взглядам, на которых воспитывалось наше поколение.

«Книжкина неделя» против гаджетов

2 апреля — Международный день детской книги. В прежние времена в этот день, конечно же, никто не вывешивал государственных флагов. Однако по телевизору после серьезных новостных сюжетов дикторы с улыбкой объявляли о том, что во всем мире отмечается праздник детской книги.

Год литературы

Людмила Кондрашова,
директор редакции детской литературы издательства ЭКСМО

В ДОМАХ и дворцах пионеров (по-современному — досуговых центрах), библиотеках проходили недели детской и юношеской литературы. Устраивались утренники, выставки, викторины, встречи с писателями. А еще в местах проведения праздника работали книжные базары, где можно было купить детские книги — большой дефицит по тем временам.

Мое детство пришлось на 70-е, и я очень любила эту «Книжнину неделю». Правда, 2 апреля связывалось в основном не с днем рождения Г.-Х. Андерсена, а, скорее, с веселыми школьными каникулами.

Сегодня дети практически не знают о таком празднике. Время пресыщения в плане развлечений, прямо скажем, неважно сочетается с прежними конкурсами и авторскими выступлениями на публике. Красивые детские книги продаются на каждом углу (и, к сожалению, перестали быть такой же радостью для ребенка, какой когда-то были для нас). Это грустно, но, как говорится, такова жизнь. Современная детвора мало читает. Кто в этом виноват? Наверное, прежде всего мы, занятые родители.

Не скажу, что на литературу, предлагаемую детям, некогда повлияла смена политического строя в стране. Просто самих книг, в том числе новинок, стало значительно больше. Поначалу частные издательства, пришедшие на смену государственным, утоляли многолетний читательский голод. В начале 90-х годов только «частники» ежемесячно издавали произведения известных детских

писателей тиражами по 100–200 тысяч экземпляров, и все это сметалось с прилавков! (Для сравнения: сейчас напечатать и продать за год 10 000 экземпляров детской книги уже считается хорошим результатом.)

Метаморфозы больше связаны со сменой людей, которые стали работать над детской книгой. Раньше к этому привлекались профессиональные художники, переводчики, редакторы и корректоры. В постперестроечное время многим стало казаться, что все это необязательно. Умеешь держать карандаш или кисточку в руках — рисуй иллюстрации. А то, что не знаешь ни принципов построения композиции, ни верных пропорций, не страшно. Главное — краски поярче да рисунки покрупнее. Похожее происходило и с текстом. Придумала мама стишки для своих детей, прочитала подружке, та похвалила — и вот уже в маленьком издательстве тиражируются стихи новой «поэтессы». В таких условиях и формировался вкус читателей, которые сейчас покупают книги для своих детей. У многих он оказался просто-напросто испорчен изданиями «переходного периода».

Но в последние годы ситуация стала меняться. То ли всеобщая тяга ко всему хорошему, что было в СССР, то ли государственная политика, ориентированная на лучшие традиции, тому причина — в наших издательствах успешно переиздаются книги, на которых росли родители и бабушки современных детей. И это прекрасно.

В детстве у меня были «Приключения Пинокио» с иллюст-

рациями Марайя, напечатанные в Болгарии. Те рисунки никого не могли оставить равнодушным. Впоследствии все годы, что я работала в издательствах, мне хотелось вновь выпустить эту книгу. Лишь несколько лет назад нам удалось отыскать наследников иллюстратора. Те сравнительно недавно занялись архивом Либико Марайя, умершего в 1983 году. Мы встретились, и в конце 2014-го в нашем издательстве вышли первые шесть книг с работами выдающегося итальянского художника. Причем в том виде, в каком их хотел видеть он сам. Так что, можно сказать, этим книжкам для малышей мы дали вторую жизнь.

Издания для дошколят пока еще покупают, пожалуй, так же часто, как и во времена СССР. Слава богу, еще не все готовы всучить ребенку планшет вместо книги. К тому же сегодня издается очень много «досуговых» книжек для маленьких (пальчиковые раскраски, задания и головоломки). Их охотно покупают родители, уделяющие внимание интеллектуальному развитию своих детей.

С ребятами постарше ситуация сложнее. Художественную литературу для них стали приобретать гораздо реже. В эпоху интернета, стремительного развития гаджетов подростку не хочется читать книги: это «не современно», да и времени не хватает.

2015-й объявлен в России Годом литературы. Может быть, это в какой-то мере подстегнет интерес к традиционному, бумажным книгам?

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Владислав Крапивин,
писатель, первый лауреат
премии Президента РФ
в области литературы
и искусства за произведения
для детей и юношества

Примерно четверть века назад нормальный тираж издания для детей составлял 100 000 экземпляров. Сейчас — 4000–5000. Уже это одно говорит о том, насколько востребована такая литература нынче. Все это очень грустно. У людей сильно снизилась потребность в книге вообще. В этом виноват интернет, атрибуты и аксессуары новой эпохи. Могут возразить примерно так: когда появилось кино, надобность в книгах отнюдь не отпала. Они оставались так же необходимы людям, как и в докинематографическое время. Снимались фильмы по мотивам тех или иных произведений, а последние все равно пользовались ничуть не меньшим спросом.

Сейчас появилась возможность читать книги с экрана, однако и ею пользуются все меньше. Зато играющих буквально на ходу в электронные игры встречаем где угодно: на улице, в общественном транспорте, любом учреждении...

Прежде всего сократилась потребность в идейных, высококачественных и высокохудожественных текстах. Это нездоровая ситуация, грозящая самыми серьезными неприятностями для всей цивилизации, свидетельствующая о том, что среди нас неуклонно снижается количество интеллигентных, культурных, знающих людей. Без книги, несмотря на стремительное развитие технологий, никакое общество не может нормально развиваться — воспитывать детей, давать им полноценное образование.

В жюри конкурса, которое я возглавляю (Международная детская литературная премия Владислава Крапивина. — «Свой»), ежегодно поступают произведения молодых литераторов. Там есть превосходные, на мой взгляд, вещи (не стану называть имен и названий, дабы никого не обидеть), но я никогда не вижу их напечатанными. Как они найдут своих читателей? На мой взгляд, тут требуется какой-то особый подход, возможно, создание некоего комитета по делам детской литературы, который бы разбирался с текстами, будущими книгами, предлагал бы их читателям.

Детям необходимо прививать интерес и любовь к «вечным», великим детским книгам. В моем детстве таковыми считались «Два капитана», «Остров сокровищ», «Отверженные», «Пятнадцатилетний капитан», «Белеет парус одинокий», «Приключения Тома Сой-

ера» — все не перечислишь. Они были неотъемлемой частью нашего быта.

Когда мне было семь лет, мы жили под одной крышей с моим другом Павликом Шадриним. Однажды он принес домой книжку «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Я начал ее читать, буквально вцепился в нее, не хотел отдавать. Даже устроил громкий рев, когда Павлик потребовал ее вернуть. Ревел я долго и настырно, нимало не стесняясь своих слез, до тех пор, пока он не кинул в дверь книжкой, сказав при этом: «На, читай, а то от твоих слез промокнут все половицы». Я утонул в этой книге с головой. Передо мной открылся великолепный сказочный мир — приключений, верных друзей, настоящего товарищества... С тех пор она стала частицей моего бытия, я перечитывал ее сотни раз. И сегодня, когда беру ее в руки, снова как бы возвращаюсь в детские годы.

У каждого мальчишки и каждой девчонки с самого раннего детства должна быть такая любимая, великая (пусть и не для всех она представляется таковой), помогающая в жизни книга.

Я знаю немало материально благополучных, вполне порядочных, довольно грамотных людей, которые тем не менее не могут понять, что без книги жить очень трудно, что непонимание сущности культуры, творческого вдохновения рано или поздно аукнется. Такой человек, несмотря на все свое благополучие, может очутиться в ситуации, в которой оказался один из персонажей «Золотого ключика». Заканчивается эта сказка словами: «Карабас Барабас так и остался сидеть в луже под дождем».

Девочка в бурном море

Владимир Перекрест

Зоя Воскресенская — одна из самых известных детских писательниц советского времени. Старшее поколение помнит повесть «Девочка в бурном море», цикл рассказов «Сквозь ледяную мглу», а также человечную, лишённую чрезмерного пафоса лениниану («Сердце матери», «Надежда»). Но никто из юных читателей и их родителей не догадывался: прежде, чем заняться литературным трудом, она отдала более четверти века службе во внешней разведке и первой среди советских «дам плаща и кинжала» дослужилась до звания полковника.

НА ЛУБЯНКЕ ее больше знали под другой фамилией. Которая стоит, например, на донесении от 17 июня 1941 года, предупреждающем Сталина: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». В конце записки указано: «исполнитель Рыбкина».

Уйдя в отставку, она старалась нигде не оставить следов, которые позволили бы вычислить место прежней работы. Даже ее литературные Крупская и Ленин уходили от шпиков уже известными по советским фильмам способами и не применяли навыков, знакомых офицеру

внешней разведки. А ведь Зоя Рыбкина знала толк в конспирации. Например, это ей принадлежит ноу-хау «невидимого письма»: наложив тончайший шифон на лист бумаги, вставить его в пишущую машинку, напечатать, и в итоге — по отдельности ни на листе, ни на шифоне ничего нет. А проступает текст только при совмещении этих двух предметов.

Рассекретил писательницу-разведчицу в 1991 году тогдашний председатель КГБ Владимир Крючков. Некоторые знакомые стали шарахаться: «чекистка», «репрессии», «руки в крови». В том же 1991-м, чтобы пресечь кривотолки, она садится за книгу воспоминаний. Заправила в машинку чистый лист бумаги, задумалась, окунувшись в прошлое, и пальцы сами по привычке выбили в правом верхнем углу: «Совершенно секретно»...

С августа 1929-го Воскресенская находилась на оперативной работе в иностранном отделе ОГПУ. Красивая, улыбчивая, неизменно доброжелательная, умеющая располагать к себе людей да еще и смекалистая — на такую разведчицу у Центра появились далеко идущие планы. Ее стали вывозить в Европу: Германия, Австрия, Латвия. Отшлифовали немецкий с диалектами, дали привыкнуть к заграничному образу жизни, обучили манерам, и вот она уже готова блистать в свете. Неспроста все это...

И действительно, вызывают ее в один из высоких кабинетов на Лубянке. Так, мол, и так — ответственное задание Родины: стать любовницей швейцарского генерала, работающего в генштабе и тесно контактирующего с немцами.

— Хорошо, — ответила разведчица. — Я выполню задание, а потом застрелюсь.

Поверили в серьезность ее намерений или нет, но лопать через колено не стали.

— Вы нам нужны живой, — примирительно усмехнулось начальство.

Важным направлением Ирины (оперативный псевдоним) была Финляндия, где она находилась с 1935-го по 1939-й. Официальная должность — руководитель местного представительства «Интуриста». На деле — замначальника резидентуры. Руководить же туда был послан Борис Рыбкин (псевдоним Ярцев, второй

секретарь посольства СССР). Классический служебный роман — сначала стычки и даже жалоба Ирины в Центр с просьбой отозвать ее, поскольку дальнейшая совместная работа не представляется возможной. Потом примирение и новый запрос — одобряет ли Центр их брак.

С Финляндией, кстати, у разведчицы связан случай из разряда тех, которые даже авторы остросюжетных романов стесняются использовать — уж слишком нереально это выглядит. Однажды, зимой 1935 года, Зоя зашла в московский автобус. Протянула кондуктору рубль, а у того не оказалось сдачи.

— Товарищи! — громко обратилась она к пассажирам. — Кто может разменять рубль?

Доброволец нашелся мгновенно. Отдав кондуктору 15 копеек, он протянул Зое билет и с места в карьер начал «подбивать клинья» к интересной пассажирке, мгновенно сократив дистанцию с «Зои Ивановны» до «Зоеньки». Та смерила кавалера снисходительным взглядом и на ближайшей остановке вышла...

Через три года, уже в Финляндии, Зое Рыбкиной предстояло передать через связного деньги для работающих в стране нелегалов и агентов. Встретились в парке. Связной открыл «дипломат», пересчитал и вдруг заявил: «Здесь не вся сумма». «Мадам Ярцева» похолодела: не может быть, что прислали из Центра, то и передала. Много ли не хватает?

— 15 копеек, — весело ответил связной, в котором она не сразу узнала автобусного пристава. Тесен мир...

Супруги Рыбкины. 1940-е

Посол Советского Союза в Швеции А. Коллонтай (справа) и пресс-секретарь посольства Ярцева (З. Рыбкина). Стокгольм. 1943

Увы, финская миссия не удалась. Лично от Сталина Борис Рыбкин получил задание убедить близкие к правительству Финляндии круги заключить соглашение с СССР о совместном противодействии Германии (детали варьировались). Однако в стране в то время были слишком сильны антисоветские, а также прогерманские настроения. Тайные переговоры велись целый год, но окончились крахом. В результате — война. Еще хорошо, что убедили Швецию не выступить на стороне соседа, дело ограничилось лишь «моральной поддержкой» и отрядами шведских добровольцев в финской армии.

По возвращении из Хельсинки Рыбкину переводят на аналитическую работу. Она изучает информацию от зарубежной агентуры на самом важном участке — германском. Получает материалы от знаменитой «Красной капеллы» и «реальной Штирлица» — сотрудника гестапо Вилли Лемана.

Руководство помнит о ее умении располагать к себе людей. Ей поручают работать с немецким разведчиком Нелидовым, бывшим белым офицером. Накануне Второй мировой войны тот был направлен в Польшу, там разоблачен и брошен во Львовскую тюрьму. После того,

как Западная Украина была присоединена к СССР, Нелидова отдали на Лубянку.

Прежде всего, Рыбкина установила с пленником доверительные отношения: предложила называть друг друга по имени-отчеству, в нарушение тюремных правил разрешила ему пользоваться ножом и вилкой. Однажды Нелидов сообщил, что, по расчетам вермахта, Минск будет занят на пятый день после начала немецкого наступления. В руководстве это восприняли как бахвальство. Но спустя несколько месяцев, на шестой день войны, наши войска оставили Минск. Доверие к офицеру сильно возросло. Рассказал Нелидов и о планах германского руководства втянуть Англию в противоборство с Советским Союзом, сообщил другие важные данные.

...Уже месяц как шла война.

— Нам с вами придется закругляться и думать, что делать дальше, — сказала однажды Рыбкина. Они работали уже год, встречаясь почти ежедневно.

— Я понимаю, что помилования не будет, — ответил Нелидов. — Надеюсь, расстреляют, не повесят.

В его словах, да и во всем облике, женщина почувствовала глубокое раскаяние, к тому же предостав-

ленная им информация была достоверной и ценной. Пошла к руководству. И судьба пленника круто переменялась: ему предложили работать на советскую разведку в Турции. Нелидов был ошеломлен. Его отмыли, одели в костюм, Рыбкина сводила его в «Арагви» (там он, все еще не до конца веря в реальность происходящего, попросил поменяться бокалами — дать ему тот, из которого она уже отпила), сходили на Сельскохозяйственную выставку. Ночевать он отправился не в камеру, а в номер гостиницы «Москва»...

Вскоре ей срочно пришлось собираться за рубеж. Нелидова передали опытнейшему разведчику Василию Зарубину, о чем Рыбкина и сообщила ему перед отъездом. Когда, спустя несколько часов, Зарубин постучал в номер своего нового агента, ему никто не ответил. Взломали дверь. И увидели Нелидова в петле, скрученной из гостиничной простыни. У него не было ни родственников, ни семьи, и эта женщина оставалась для него единственным светом в жизни...

Незадолго до вторжения Германии, очевидно, чтобы убедить в своем дружеском расположении советское руководство, прислала на гастроли в Москву группу солистов балета Берлинской оперы. Посол Шуленбург давал по этому случаю обед. Попала на прием и Зоя Рыбкина. Видимо, ее вечернее бархатное платье со шлейфом произвело на немца впечатление — посол пригласил ее на тур вальса. За несколько дней до этого он сообщил послу СССР в Германии Деканозову, что Гитлер на личной аудиенции назвал ему точную дату нападения на Советский Союз. Это была отчаянный шаг. Настолько, что в Кремле Шуленбургу не поверили. Пройдет три года, и он будет казнен в гестапо за причастность к заговору против Гитлера.

Однако вернемся на бал. «Мой

партнер был внимателен, вежлив, но не мог скрыть своего удрученно-го состояния», — пишет Рыбкина в своих воспоминаниях.

— Вы не любите танцевать, господин посол? — с ноткой игривости спросила она.

— Не люблю, но вынужден, — признался тот. И еще раз подчеркнул. — Вынужден.

Настроение посла, его желание, возможно, подсознательное, обратить внимание собеседницы на ситуацию своей «вынужденности», светлые пятна на стенах от недавно снятых картин, наконец, вопреки традициям, совершенно буднич-ный и далеко не высокого качества стол, не соответствующий приемам такого уровня, — все вместе говорило о том, что посольство Германии сидит на чемоданах...

В октябре 41-го Рыбкины отправились в Швецию. Сначала, под бомбежками немецких штурмовиков, по Баренцеву морю в Англию, оттуда — самолетом на предельной высоте, чтобы избежать встреч с люфтваффе, через Северное море и оккупированную немцами Норвегию. Официально Зоя — пресс-секретарь советской дипмиссии, позже — посольства. Послом в то время — знаменитая Александра Коллонтай. Они знакомы еще со времени работы «Ярцевой» в Финляндии, в Швеции же особо сблизились.

Кстати, Рыбкины вместе с Коллонтай предприняли попытку «финского реванша» — на этот раз удачную. Через некоторых политиков, в том числе будущего президента Урхо Кекконена, удалось убедить тогдашнее руководство Финляндии досрочно расторгнуть союз с Германией и заключить перемирие с СССР. Но это будет уже в конце войны...

Агентура у Рыбкиных была небольшой по численности, но эффективной. В портах Норвегии действовала группа будущего министра государственной безопасности ГДР Эрнста Вольфвебера —

она устраивала саботаж и диверсии в отношении немецких кораблей. На границе с Финляндией другая группа регистрировала переброску военной техники и воинских частей. Третья отслеживала взаимные германо-шведские поставки в южных портах Швеции.

Из Стокгольма же осуществлялась связь с «Красной капеллой». Однажды потребовалось срочно подыскать и завербовать подходящего связника, который мог бы, не вызывая подозрений, периодически летать в Германию. Нашли. Коммерсанта (оперативный псев-

Шуленбург пригласил ее на тур вальса. За несколько дней до этого он сообщил послу СССР в Германии Деканозову, что Гитлер назвал ему точную дату нападения на Советский Союз

доним Директор, реальная фамилия пока не разглашена) наскоро обучили азам конспирации. Это для него Рыбкина придумала трюк с бумагой и шифоном. Однако после его визита в Германию гестапо арестовало многих членов «Капеллы». Вывод Центра: Директор — провокатор. Рыбкиным приказано послать его на встречу с Вилли Леманом, к тому времени уже схваченным. Очевидно, что у того — гестаповская засада. Получается, что если Директор — провокатор, то немцы дадут ему вернуться либо выведут из игры. А если не провокатор — его схватят и казнят. Рыбкины не хотят посылать агента на верную смерть, они уверены в его честности. Пишут лично Берии. И вот ответ: с Директором контакты прекратить, Рыбкина отозвать и отправить на фронт. Лишь после окончания войны было документально установлено, что «Красную

капеллу» провалил не Директор, а другой европейский агент.

Борис Рыбкин погибнет при очень странных обстоятельствах. В 1947-м он был направлен в Чехословакию. За три дня до его возвращения в Москву «шкода», на которой он ехал вместе с шофером, пойдет на обгон и столкнется на встречной полосе с советским танком. Причем водитель останется жив, но самое интересное — у Рыбкина будут найдены документы на другое имя. А на следующий день, уже под Будапештом, произойдет другая авария, в которой погибнет человек в шинели и папахе полковника Рыбкина и с документами на его имя. Позже выяснится, что это сотрудник советской разведки капитан Суриков. Эта загадочная история не давала Зое Ивановне покоя до конца жизни...

Сама она рассталась с разведкой совсем не так, как заслуживала. После ареста Берии на Лубянке начались чистки. Всех, кто был связан с ним, а среди таковых был практически весь цвет секретной профессии, уволили. Многих, например Судоплатова, посадили. Рыбкиной еще повезло: ей дали доработать два года до пенсии, послав заведовать спецчастью в одну из колоний под Воркутой.

Отойдя от дел и вернувшись в Москву, она снова начала бомбардировать инстанции просьбами провести расследование по факту гибели мужа. Отказывали: признаков преступления нет — трагическая случайность, совпадение. Долгие годы не находила себе места, утешение искала в том, что писала любимому человеку, который уже никогда не прочтет эти послания...

Выйти из душевного кризиса помогла мама. Напиши, посоветовала, книгу. Детскую. Это и вернуло ее к жизни, признается Воскресенская. «Для творчества я взяла свою девичью фамилию и как бы сама воскресла», — сказала она как-то.

Особая территория

8 апреля исполнится сорок лет со дня кончины большого русского писателя Олега Куваева. Спустя неделю в широком прокате стартует экранизация знаменитого романа «Территория», законченного им незадолго до смерти — романтического, приключенческого произведения о золотодобытчиках послевоенных лет. Вдова литератора Светлана ГРИНЬ поделилась с нами воспоминаниями.

РАБОТАЯ, Олег ходил по комнате. Покуривал трубочку, попивал чаек, кофе. И, наверное, не один километр наматывал от машинки к книжному шкафу и обратно. Испытывал проблемы, если рядом кто-нибудь находился. Но мне однажды сказал: «Странное дело, я не могу работать, даже если кошка в доме, а при тебе могу». Это была высшая похвала. Хотя иногда предупреждал: «Не разбалтывай меня с утра! Не разбалтывай!» То есть «не болтай». Когда трудился над романом, время от времени приговаривал: «Надо коммунизм строить!» (то бишь денег на романе не зарабатываешь, особенно если переписывать его по 6–7 раз, как это было с «Территорией»). В это время обычно слушал серьезную классическую музыку: Моцарта, Бетховена, Баха, Чайковского, Рахманинова, Шопена... Любимая 40-я симфония Моцарта действовала на Олега так, что у него на глазах наворачивались слезы, и он изрекал в восхищении: «Просто непостижимо. Как человек может такое сотворить!» О «Ноктюрнах» Шопена отзывался: «В этой вечной музыке все рассказано о нас с тобой».

Когда же сидел над сценариями для кино, слушая джаз, заявлял: «Надо деньги зарабатывать!» Любил Высоцкого. Часто напевал из Визбора: «Спокойно, дружище, спокойно, у нас еще все впереди...»

Встретились мы не в лучший период моей жизни. Я только что разошлась с мужем, теряла, как принято говорить в таких случаях, все жизненные ориентиры, стремилась защи-

тить душу броней, дабы вновь не обжечься. Несмотря на это, Олег сумел разглядеть мое истинное «я», в то время забитое, запрятанное очень-очень глубоко. Как важно, когда в жизни встречается человек, который тебя воспринимает такой, какая ты есть. Он меня понимал, может быть, даже лучше, чем я сама себя понимала.

С тех пор всегда старалась соответствовать тому образу — «внутренне тоненькой Светки», — который он увидел, раскрыл и снабдил духовной опорой.

Вот строки из его письма:

«Милостью божьей мне дано «внутреннее зрение». Я знаю, что оно есть, хотя прорезается редко. Так вот, этим «внутренним зрением» я и вижу в тебе Светлану, которую люблю».

«Внутренним зрением» Олег находил в человеке его лучшие свойства, как бы глубоко они ни таились. При общении эти качества как бы освещались его светом. Вокруг создавалась аура из теплых солнечных лучей, чувствовалась такая светлая духовная мощь, что все люди вокруг становились добрее, «значимее», чем до общения с Олегом. И это при том, что он был немногословен, сдержан в чувствах и высказываниях.

В отношениях с женщиной больше всего ценил преданность и верность. Писал мне об этом: «Если ты любишь, Света, сделай так, чтобы тебе поверил. Не на словах и не умом, а внутри поверил. Чтобы и мысли о «не верю» не возникало. Тогда тебе будет со мной легче и проще. Ты же любишь меня, когда я улыбаюсь во всю ширину вятской рожи, демонстрируя золотые фиссы, а не тогда, когда горблюсь и в написании своей фамилии сомневаюсь. Тогда все у нас будет светло и нормально».

Вместе мы прожили всего три года и два дня. Однако если отделить время нашего действительно совместного проживания, то получится вполонину меньше. Он жил

ФОТО: А. ЧАЙКО

Олег Куваев и Светлана Гринь. г. Переславль-Залесский. 1974

«Я люблю тебя, Света. Более того, суеверно думаю, что нас бог друг для друга предназначил».
(Из письма О. Куваева)

в Калининграде Московской области (сейчас Королёв), я — в Приэльбрусье, Терсколе.

Заданный им ритм был настолько интенсивен, что я едва поспевала за Олегом, хотя была моложе его на шесть лет. Мы много путешествовали. Ездили на Белое море, Юму, Вятку, в белорусское Полесье, Душанбе, на Кавказ. В периоды расставаний писали друг другу почти каждый день. У меня сохранились 75 его писем и 30 телеграмм. Как он шутил: «У нас с тобой «телеграфная любовь». Но мы знали, что это чувство навсегда — «до гробика».

Несмотря на столь краткий «миг общения», я на всю жизнь усвоила его заповеди. Основные из них:

Не нравится тебе твой образ жизни — измени. Не можешь изменить — терпи.

Во всех своих бедах, несчастьях виноват ты сам. Ищи причину в себе.

За все в жизни надо платить. А за некоторые ошибки приходится расплачиваться всю жизнь.

А вот слова еще одной заповеди — пожалуй, самой главной для него — из письма ко мне: «Предавая других, ты прежде всего предаешь сам себя (Олег Куваев 1934–197...)»

Почему-то он указал на «197...». Как будто знал, что это точно будет не «198...», не «199...», «200...» или «201...». В то время, когда ему только-только исполнилось сорок лет.

Его «Территорию», конечно же, очень люблю. Читаю, перечитываю и каждый раз нахожу что-то новое. Хотя этот роман мудрено не любить, он впечатлил очень многих. И все же более всего мне дороги «Правила бегства». Первые главы были написаны в Переславле-Залесском в августе 1974-го, о чем Олег сообщил своей сестре: «Сделал самое трудное — написал начало и теперь знаю, о чем речь». Законченный первый вариант это-

Сплав по Амгуэме. Чукотка. 1963

«По полученным сведениям, вода в Амгуэме прет со страшной скоростью. На море стоит лед, и... плавать на вельботах вряд ли будет возможно. Значит, на 200 километров реки — пятнадцать суток времени... Хочу сделать остановку в нижнем течении и сподти на озеро Якитики. Оно стоит в пустынных горах, в семидесяти километрах от русла. Уж очень хорошо название — Якитики. В Южной Америке есть озеро Титикака, я как-то еще в школе начитался о нем всякой чепухи. Ну, заменим пока Титикаку озером Якитики. Романтика, леший бы ее побрал! Хорошо все-таки жить на этом свете, когда существуют река Амгуэма, озеро Якитики и лагуна Ионивеемкуэм, куда мы попадем через месячишко... В общем, жизнь прекрасна и удивительна».
(Из письма О. Куваева Е.П. Негребецкой)

го романа остался лежать на рабочем столе в тот ровой день, 8 апреля 1975 года. Олег собирался продолжать труд над ним, заняться самым любимым делом: шлифовкой, переделкой, правкой.

Впоследствии я перепечатала это произведение на машинке Олега. И в процессе работы постепенно возвращалась к жизни. Иными словами, роман спас меня.

На известном «Последнем портрете», снятом Анатолием Чайко, Олег Куваев — на балконе дома, в котором мы жили в Переславле, как раз во время сочинения «Правил бегства».

Чем именно дорог мне этот роман? Ответ на вопрос в какой-то мере содержится в словах письма Олега к Б. Ильинскому:

«Одна моя ночная и вечная подсознательная мечта: успеть. Два романа: «Правила бегства» и «Последний охотник»... Чувствую силу я в себе. «Территория» — это ведь так, разминка. И Островского 70-х из меня не будет. Ибо, помимо стальных нервов и челюстей, помимо простых, как инстинкт, знаний Чести, Долга, помимо этого, о чем я писал в «Территории», валяются по магаданским подвалам, в Сеймчанском аэропорту, в общественных туалетах сотни бичей. А они — люди. И на 99% — талантливые и высокоорганизованные натуры, поэтому они в бичах. Доктор их не излечит. Дубинка по голове — также. Что их излечит? Моя книга их не излечит, ибо они ее не прочтут. Но я хочу напомнить о том, что они есть, что они люди, и может, иной интеллигент возьмет и пригреет около себя иного забудыгу. Но смысл, конечно, шире. Смысл в том: опомнитесь, граждане, и усвойте истину, что человек в рванине и с флаконом одеколона в кармане столь же человек, как и квадратная морда в ратиновом пальто, брезгливо его обходящая. Этому учил Христос».

«Божественная комедия» — одна из книг, которую он перечитывал многократно. Вообще же в библиотеке Олега Куваева не было случайных томов. Все они «раздобывались» в то, советское время и подбирались тщательно, с учетом его интересов. Он делал необходимые выписки, заполняя свои записные книжки.

В 1974–1975 годах Олег купил в Москве иконы и Библию, несмотря на всевозможные запреты и трудности «доставания» таких вещей в те времена. Библию читал до последнего своего дня. Иконы хотел отдать на реставрацию, но не успел. Будучи истинно русским человеком, внутренне (не напоказ) веровал в Бога. А когда ему бывало плохо, часто говорил: «О, Господи! Господи! Если Ты есть, а я знаю, что Ты — есть, прости меня, грешного!»

Показательны цитаты из двух его последних записных книжек (№ 25 1974 года и № 26 — с 28 января по 4 февраля 1975 года):

«С миром ли? И сказал Ииуй: что тебе до мира? Поезжай за мной.

Ветхий Завет, книга 4-я Царств 18, гл. 9

Кто не с нами, тот против нас. Кто не против нас, тот с нами.

Новый Завет, Матф., гл.12, Марк, гл. 9

Мы принимаем добро из рук Господа, почему же не хотим принять и зло?

Ветхий Завет, книга Иова, гл. 2».

6 апреля 1975 года Олег Михайлович приехал в Переславль-Залесский, чтобы продолжить работу над романом «Правила бегства».

Через два дня, в полдень его сердце внезапно остановилось. Врачи «скорой» спасти не смогли. Гражданская панихида проходила в Центральном доме литераторов в Москве. Вместо траурной музыки звучала 40-я симфония Моцарта.

Олег Куваев

Из записной книжки №8.
Январь, февраль и март 1962 г.

ВСЕ О СТИЛЕ

(публикуется впервые)

В чем же должен по идее заключаться «мой» стиль на 21 января 1962 года.

Короткие предложения. Они должны изредка дополняться длинными, так, чтобы само построение текста давало впечатление ритма. Вроде белых стихов.

Примеры: Бабель. Ранний Паустовский.

Максимальная образность и метафоричность описаний. За две тысячи лет человечество накопило и затаскало эшелоны сравнений и образов. Образ должен слепить, реветь, ласкать. Он должен быть необычен.

Маяковский, Есенин, Ремарк.

Особенно Есенин. Видение мира.

Иногда напряженная ситуация может быть подчеркнута резким изменением стиля. Драма хороша в «вывихнутой» манере.

Хемингуэй, Фолкнер.

Общая окраска. Помни об отце Грине! Мир скучен. Надо выдумывать его и абстрагировать. Но вовсе не значит, что это — лезть в Лиссы и Зурбаганы. Наводи, братуха, цветной прожектор на серую улицу жизни.

В живописи это называется условной манерой.

Горький! Вот загадка.

Окна смотрели друг на друга взглядами трусливых жуликов.

(Горький)

Животные, временно исполняющие обязанности человека.

(образ у Горького)

Горький очень вкусно пишет о босяках. Сам был босяк.

Бунин.

Говорил, что, начиная писать о чем бы то ни было, прежде всего он должен «найти звук».

Как скоро я его нашел, все остальное делается само собой.

Алексей Толстой.

Его высказывания о стиле, о построении сюжета, конструкции фраз и т.д. весьма многочисленны...

1. Русский подлинно народный язык прост по конструкции. Гибкость его обустраивается в первую очередь богатством слов и словосочетаний, а не разнообразием в строении предложений. Так называемый «литературный» язык с причастными, деепричастными оборотами и придаточными предложениями возник искусственно. Особенно постарался тут Тургенев. Это лишнее. Применение такого сложного языка не ведет к увеличению впечатляющей силы прозы.

2. Главное жест. Не надо говорить за героя, не надо давать ему длинные монологи и реплики. Надо видеть действия и жесты героев в этих действиях:

Познание психики и индивидуальности героев идет через жест.

3. Глагол. Глагол дает движение фразе. Помнить, что правильно найденный глагол оживляет фразу и дает ей верный, индивидуальный смысл.

4. Не сорить эпитетами. Эпитет должен быть прост. Он должен быть прост, чтобы сразу вызвать зрительную ассоциацию, не утомляя внимание читателя.

P.S. Я бы добавил еще от себя, что эпитет должен быть все же броским, чтобы он зацепился во внимании читателя, а не проскочил мимо, как круглая хорошо притертая жестянка.

Писатель-глыба

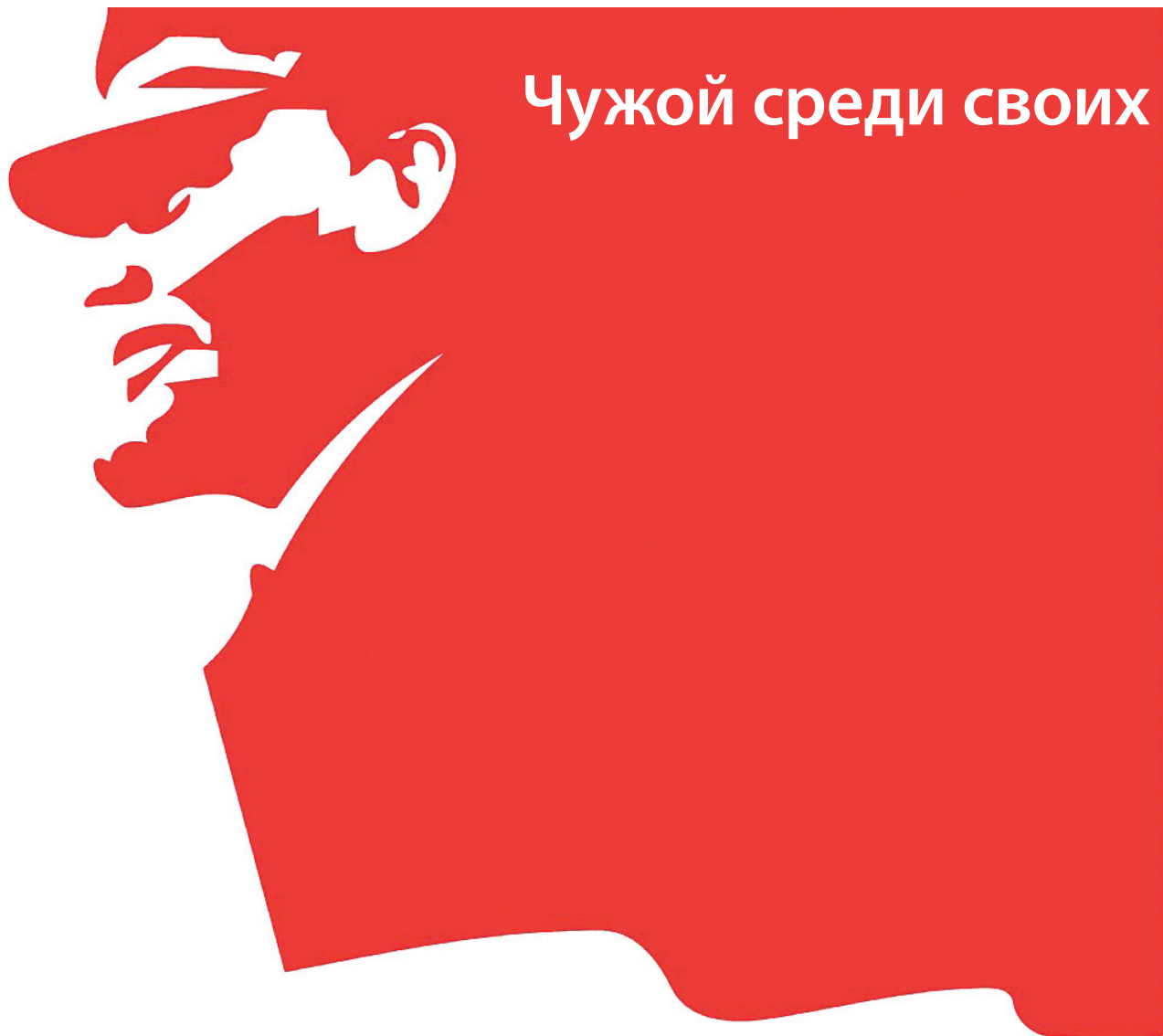
Есть писатели-блестки. Ремарк.

Есть писатели из папье-маше.

Пример: ненавистный Гладков.

Нам нужен писатель-глыба. Тот, кто дал бы концепцию мира. Такой, как Горький. Горький дал концепцию человека.

Чужой среди своих

Не телец, а МОЛОХ

Николай Зверев, историк

22 апреля будет отмечаться очередной юбилей вождя «перевернувшей мир» Октябрьской революции. Трудно не признать: Ленин некогда возник из политического небытия, появился на гребне невиданной доселе смуты, из которой мы едва выгрести, истекая кровью. Создали могучий Советский Союз — государство, в котором отчасти воплотились мечты пророков и утопистов прежних эпох. На сравнительно короткий исторический период, и тем не менее... Кем же был Владимир Ульянов-Ленин — великим разрушителем или несравненным зодчим? Как отобразить его роль в учебниках, когда покровы с «окаянных дней» отечественной истории окончательно сорваны?

БУДУЧИ в начале 1980-х деканом одного из факультетов Университета марксизма-ленинизма МГК КПСС, я нередко наблюдал среди коллег, особенно молодых, замешательство при изучении октябрьских событий и Гражданской войны.

Знаменитая фраза «революцию в белых перчатках не делают» приписывается Ленину вполне заслуженно — нам, много времени проводившим в архивах, не нужно было доказывать это лишним раз. Обсуждая в узком кругу многочисленные «перегибы» первых лет Советской власти — экспроприации и проскрипции, высылку интеллектуалов, расстрелы заложников и пленных юнкеров, убийство самодержца с чадами и домочадцами, продрозверстку, уничтожение соплеменников чуть ли не целыми сословиями (православного священства, казачества и т.д.), — мы старались уверить себя, что большевиков вынуждали обстоятельства. Что по-иному и быть не могло.

«А ты как думал? Он бы в нас стрелял, не вынимая папироски изо рта. Мы их или они нас! Середки нету...» — это щемящее шолоховское объяснение, бывшее когда-то ясным и четким императивом для современников, не могло удовлетворить коммунистов, живших в достаточно благостной реальности «мирного сосуществования» глобальных систем.

Колоссальные жертвы довоенной эпохи виделись посреди брежневской стабильности чудовищным пережестом. Отдавая себе отчет, из какой глубины нравственного падения родилась победа социализма, мы задавались вопросом: имеет ли право на существование государство, построенное такой ценой? Этот познавательный диссонанс, ставший с годами настоящим духовным нарывом, с началом «перестройки» рванул со страшной разрушительной силой. Разумеется, среди тех,

кто бросился наперегонки жечь партбилеты и чернить все советское, немалую долю составляли самые настоящие двурушники, учувявшие запах перемен. И все же большинство, шедшее за ними, были те самые коммунисты, которые отныне просто не могли жить с камнем на сердце.

Власти в лице Горбачева казалось тогда, что она предложила очень грамотный «разводящий» ход. «Ленинский демократический централизм» был противопоставлен «сталинскому вождизму», активно внедрялся тезис:

«Мы пошли не тем путем». Так Ленин начал обрастать добродетелями, которые за ним никогда не замечались даже его собственными соратниками.

«Видимо, всем нам надо овладевать правилами политической дискуссии, научиться терпеть мнения оппонентов, как это делал Ленин», — убеждал в своей «покаянной речи» Борис Ельцин. При том, что Владимира Ильича, легко переходившего на бульварный тон и оскорбления в общении с товарищами, очень сложно назвать человеком, уважавшим иную точку

ДЕНИ. ПЛАКАТ. 1920

И. БРОДСКИЙ. «ЛЕНИН И МАНИФЕСТАЦИЯ». 1919

ЛЕНИН ВЫСТУПАЕТ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. 7 НОЯБРЯ 1918 ГОДА

зрения. «Если мы используем весь свой опыт и берем все лучшее из мировой цивилизации, я за такую конвергенцию — это ленинская конвергенция», — прятался за широкой спиной лидера большевиков Михаил Горбачев. Между тем в наследии Ленина, особенно если взять послереволюционный период, вы не найдете и зачатков склонности к какому-либо компромиссу. «Я предлагаю назначить следствие и расстрелять виновных в ротозействе»; «Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать

беспощадно и повсеместно. И как можно больше». И т.п. Расстреливать, расстреливать, расстреливать...

В горбачевских же верхах стало естественным валить все на преемников Ильича, прежде всего на Сталина. Говоря об упущенных возможностях, в первую очередь сокрушались о НЭПе — в конце 80-х с высоких трибун модным было утверждать, что, мол, прожиги Ленин дольше, мы бы избежали репрессий внутри «ленинской гвардии» и успешно скрестили свободный конкурентный рынок

с диктатурой пролетариата. Парадоксальная вещь: образ Ленина, искаженный до невероятия, использовался игроками-спекулянтами из властей предержащих в качестве мощнейшего тарана для разрушения основ «ленинского» государства. Когда же этот таран стал не нужен, его просто-напросто выбросили...

Отношение к горбачевской политической лакировке с провалом реформ — к началу 90-х — было не просто негативным: стремительно теряющий рычаги управления президент СССР вообще перестал восприниматься всерьез. Подобная оценка перекинулась и на тех, кого «минеральный секретарь» брал себе в союзники. Если фигура Сталина всегда находила и яростных критиков, и апологетов, то Ленина теперь либо жалели, либо (чаще) откровенно высмеивали. В 90-е образ Ильича «демократические» власти и обслуживавшие их СМИ превратили едва ли не в опереточный жупел. Когда, например, пресса хотела подразнить левую оппозицию (а это происходило довольно часто), запускался слух, будто пребывавший в очередном алкогольном угаре Ельцин вот-вот, к ноябрьским или майским праздникам, подмахнет указ о выносе ленинских останков из Мавзолея.

Тон «взаимоотношений» Ленина и российской интеллигенции в нулевых задавала талантливая, но тенденциозная кинокартина Александра Сокурова «Телец». Беспомощный, неизлечимо больной, отстраненный от руководства и преданный соратниками, вынужденный даже просить у них яду — таким представлен Ильич, при жизни мало кого жалевший сам и, пожалуй, менее всего нуждающийся в чьем-либо сострадании. Напротив, гиперболическая жалость к Ленину как к человеку, которая не может не возникнуть у зрителя, уводит в сторону от осмысления важных аспектов его политической деятельности.

Безусловно, проживи Ленин дольше, страна довольно скоро вернулась бы на путь перманентной революции. Ленин рассматривал советизацию России исключительно в контексте международной перспективы и никогда не скрывал, что видит полное построение социализма результатом глобального революционного пожара. Разногласия с другим автором этой идеи, Львом Троцким, носили локальный характер. Тот был слишком нетерпелив, в то время как Ленин, непревзойденный тактик (отсюда его гениальное видение момента — Октябрьское восстание, Брестский мир и т.п.), готов был ненадолго отложить завоевание мира, пока страна не встанет на ноги.

Русский народ для него был лишь тягловой силой мировой революции. Ильич не любил ни русских как нацию, ни русский жизненный уклад, неоднократно переживал, что нам необычайно далеко до сознательности европейцев, особенно немцев. Ленин вообще мало значения придавал «мещанским» чувствам, той же любви, а милосердие и вовсе считал одной из ничтожнейших человеческих слабостей. Хорошо известно, что неизлечимую душевную травму ему нанесла

казнь старшего брата, причастного к заговору против императора Александра III. Корни ленинской бессердечности, направленной против русского народа, действительно, следует искать в семье.

Более того, он 17 лет провел в эмиграции. Когда вернулся в Россию, был — и чувствовал себя здесь — чужаком.

Еще один важный вывод, который напрашивается при оцен-

**Русский народ
для него был лишь
тягловой силой мировой
революции.
Ильич не любил
ни русских как нацию,
ни русский
жизненный уклад**

ке Ленина как человека и политика — весьма опосредованное участие в создании СССР, каким мы его помним. Дело в том, что в определенный момент Советский Союз превратился в государство, где, по сути, обрела новое рождение русская имперская идея. Это прямое следствие сталинского

управления и сталинской философии. В единую смысловую цепь были связаны все виды централизованной государственности, существовавшие на территории русской Евразии со времен Киевской Руси.

При этом бесспорным остается факт: без Ленина не было бы Октябрьской революции, именно он настоял на вооруженном восстании, пригрозив соратникам в противном случае «уйти в оппозицию». А значит, не было бы и Советского Союза, разрушение которого, как справедливо заметил Владимир Путин, стало величайшей катастрофой XX века.

Сегодня власть пользуется беспрецедентной поддержкой общества, что, наверное, дает ей моральное право поднять, наконец, вопрос о захоронении останков Ильича. Это могло бы произойти на основе большого — исторического и политического — компромисса, а может, даже консенсуса: с учетом всех полярных мнений (в том числе лидеров и активистов коммунистических организаций). Не так, как замышлялось когда-то при Ельцине (втайне от всех, под покровом ночи), а с соблюдением всех необходимых торжественных ритуалов и почестей.

Возвращение имени

В кругу писателей. В первом ряду — Б. Пантелеймонов (стоит слева), сидят Н.Тэффи (рядом), И.Бунин (третий справа). 1948

Лорд с берегов Тары

Елена Мачульская, Омск

Долгие годы это имя было знакомо западному читателю и почти забыто на родине. Но вот «его чалдонское благородие» (автоэпитет) — с манерами английского аристократа, талантами ученого-химика и прекрасного литератора — возвращается в Россию. О которой на чужбине он много думал, писал, мечтал. В Омске увидел свет первый в России трехтомник Бориса Пантелеймонова.

РАССКАЗЫ Пантелеймонова завораживают удивительной музыкой слов, обрушивают на читателя лавину неповторимых образов. «Яркий, сочный талант со своеобразным подходом к жизни, островыразительным «сибирским» языком», как характеризовал его один из собратьев по эмиграции, в литературу русского изгнания ворвался стремительно. Надежда Тэффи вспоминала: «Пришел высокий эlegantный господин, лет сорока пяти, с тщательно причесанными серебряными волосами. Красивое тонкое лицо, губы сжаты, синие глаза внимательны и серьезны.

У нас, писателей, глаз острый. Я сразу поняла — англичанин.

— Я Пантелеймонов, — сказал англичанин».

Задумав издать на собственные средства «Русский сборник», Борис Григорьевич вдруг решил и сам взяться за перо. В первом его опусе не было ничего «своего», он получился слишком ремизовским, фантастическим. Рукопись сдали в набор. А далее произошло неожиданное. «Новый рассказ оказался очаровательным, настоящим пантелеймоновским, своеобразным, ярким, — продолжает свидетельствовать Тэффи. — Это был тот самый «Дядя Володя», который так покорила сердца читателей и сразу создал славу новому автору».

Именно с него Борис Пантелеймонов начал возвращать эмигрантам потерянную родину. В Париже и Нью-Йорке узнали о селе Муромцево на реке Таре, где прошло детство писателя.

Все отмечали удивительную свежесть его текстов, мастерство описаний, не разбавленных ни одним лишним словом. «Лютый мороз, огромные звезды, облитая синим куполом снежная пелена. На задворках, в смешной шапке стоит стог, вокруг сеть заячьих следов, снялась с него белая птица, неотличимая от снега, дунь». «Трава, не боясь, подходит к самому обрыву, и у травы свое царство: близорукий кузнечик, под боярышню вырядилась божья коровка, бабочка — бумажка, носимая ветром». «Небо — бисерная пыль; висит в воздухе дождик, как густой туман».

Прозу Пантелеймонова можно отчасти сравнить с энциклопедией сибирской жизни — столько там зарисовок местного быта, характерных черточек народных типов: «Золушка — в белой холщовой рубахе, смешные косички, вся в веснушках, глаза кипучая синь — хвостинкой гонит на выгон телушку. Из ворот напротив выходит мальчонка, задирает по губы рубаху, не совестится. Волос у него льняной, нос пуговкой».

Пантелеймоновский стиль отличается и своеобразная игра с простомством-временем. В рассказе

Б. Пантелеймонов

«Избрание царя Михаила Феодоровича» сначала маленький Боря увлеченно слушает дядин рассказ о первом царе из рода Романовых, а потом они внезапно, через всю необъятную Россию, едут с дядей в Москву выбирать царя. И вот наконец столица: «Далеко, чуть дымкой подернуто, сияет что-то. Вглядываемся — макушки церквей. Тысяча шестьсот! Глазам больно. Ровно Бог куски золота рассыпал».

В другом рассказе, «Дедушка Дигби», автор переносит в настоящее семейные предания. И его дед, потомственный чиновник судебного ведомства, предстает перед читателем американцем английского происхождения, моряком с китобойного судна. Ведь основателем рода Пантелеймоновых, возможно, был английский торговый агент Саймон Дигби, получивший разрешение на разработку соли в России. А фамилию Пантелеймонов мог получить кто-то из его потомков, крестившийся в Пантелеймоновской церкви...

«Нас в семье было много, — рассказывал писатель, — двенадцать братьев и сестра Ольга, младшая». А еще вместе с ними — во флигеле двухэтажного дома с мезонином в центре Муромцево — жил холо-

стой брат отца, Владимир, тот самый «дядя Володя».

Энтузиазма, кипучей энергии Пантелеймоновым было не занимать. Отец Бориса, «добрый донельзя и беспечный до невероятия», пробовал себя в разных сферах: открывал конский завод, «пряничное заведение», занимался мыловарением. Дядя Володя принимал финансовое участие в строительстве «Святого Владимира» — первого парового судна, прошедшего по реке Таре. После крушения любимого парохода загорелся идеей создания подводной лодки, соединенной с воздушным шаром. «И в чудесное я с тех пор влюбился и всю жизнь им болею. Не нас одних заразил он страстью заколдовывать чудом явь, но и сам заигрывался», — напишет о нем впоследствии благодарный племянник.

Так что совсем не случайно увлекся он наукой, соседствующей с чудесами, — химией. Образование получил за границей, в Германии. В 1913 году начинающий химик стал издавать в Москве журнал «Мыловаренное дело». Публиковал там информацию, получаемую от своих российских и иностранных корреспондентов, обо всех химических новинках. Существовал журнал всего полтора года — началась Первая мировая война. На смену издательской деятельности пришла служба в частях химической обороны.

После революции Борис Пантелеймонов строил химические заводы в Москве, Одессе и Крыму, стал автором многих открытий. Например, изобрел способ холодного литья пластмассы, метод изготовления искусственной резины...

В 1929-м отправился в Берлин, на международный конгресс химиков. Обрато в СССР уже не вернулся — получил приглашение работать на разработку месторождений Мертвого моря. Провел в Палестине и Ливане восемь лет, потом переехал во Францию и открыл в Париже

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ

лабораторию по производству косметики.

В воздухе уже пахло следующей войной, и Пантелеймонов параллельно занялся военными разработками — его химические бомбы потом очень пригодились французскому Сопротивлению. Продолжал изобретать, публиковал статьи в научных журналах. Только в 1947 году, когда Борис Григорьевич переключился на литературу, химия отошла на второй план.

Изобретения обеспечивали приличный доход. Значительную часть денег он тратил на общественную и издательскую деятельность, поддержку русских эмигрантов. Помогал всем, кому требовалось, причем очень деликатно, тактично. Был бессребреником — настолько, что хоронить его в 1950 году пришлось за общественный счет...

В своих письмах Бунин называл его «дорогой таежник», «любезный князь Мышкин», «серебристый канадский бобер», «Пантелей Менделеевич» (за повести о русских ученых Менделееве и Миклухо-Маклае). Тэффи обращалась к нему

шутливо, по-свойски: «братан». Вся русская эмиграция восхищалась рассказами, в которых «Пантелеймонов снова утешает нас своим ласковым юмором, своим любовным пониманием и зверя, и птицы, и рыбы, плеснувшей в реке».

В советской прессе вскоре после его отъезда прошла информация о том, что он, рассчитавшись со всеми долгами, купил розы, разбросал их по комнате и выпил яд... Потом была тишина, длившаяся несколько десятилетий.

Омский краевед, председатель Общества коренных омичей Владимир Селюк впервые взял в руки книгу неизвестного ему автора по фамилии Пантелеймонов в библиотеке Русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа. И был поражен,

увидев знакомые названия: Муромцево, Тара... Привез приглянувшееся издание в Омск. Затем открыл на городской аллее литераторов памятный знак писателю-эмигранту и совместно с исследователем творчества Бориса Пантелеймонова, научным сотрудником Омского литературного музея имени Достоевского Ириной Махановой начал активную переписку с российскими и зарубежными архивами.

В первые два тома появившегося их стараниями трехтомника вошли повести и рассказы. Третий включает в себя публикуемые впервые очерки о писателях-эмигрантах, письма, публицистику, воспоминания современников, статьи о жизни и творчестве писателя.

Лорд с берегов Тары наконец возвратился домой.

A photograph of ancient ruins, likely Greek or Roman, featuring several tall, fluted columns and a partially reconstructed wall. The scene is set outdoors under a cloudy sky. The text is overlaid on the lower part of the image.

Да, скифы мы. И видели Перикла

Возвратив Крым, Россия приобрела больше, чем морские базы, прекрасные курорты, десятки тысяч квадратных километров и два миллиона сограждан. Мы вернули себе несколько тысячелетий чрезвычайно насыщенной истории. Эта часть России была одной из очень важных областей обширного греческого мира. Древняя Эллада стала фундаментом не только для европейской цивилизации, но и для большинства существующих в мире культур, включая, разумеется, русскую.

Некогда в Крыму действовали легендарные греческие герои, занимались творчеством граждане недавно основанных эллинских городов, расцвели могучие государства эллинов и скифов, шли дозором римские legionеры, томились в каменоломнях первые христианские мученики. Там кипели страсти, приводившие к переменам во власти даже внутри самого Константинополя. Коснемся древнейших страниц летописи Крыма, которые отныне и навсегда — часть нашей истории...

Наш Крым

Егор Холмогоров

Ифигения

Страшное предсказание получил царь ахейцев Агамемнон перед походом на Троию. Разгневанная Артемиды, богиня охоты, не давала его кораблям попутного ветра, доколе царь не пожертвует ей свою дочь Ифигению. Не дрогнула рука Агамемнона, за что по возвращении ему страшно отомстила жена Клитемнестра. Но, как гласили сказания греков, Ифигения не умерла — сжалившаяся богиня унесла ее в Тавриду, где в землях жестоких и диких тавров, в храме Артемиды дочь ахейского правителя приносила в жертву пленников. Однажды к ней в плен попали двое юношей, в которых она узнала своего брата Ореста и его друга Пилада. Вместе с ними Ифигения вернулась на родину.

Эта история веками пленяла поэтов и музыкантов. Ей посвятили трагедии Еврипид и Гёте, а Глюк написал одну из лучших опер. Будучи в Крыму, Пушкин искал остатки храма, в котором пребывала Ифигения, и писал:

*Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждающим богам
Дымились жертвоприношенья.*

Сосуд из Куль-Оба

Скифы

Скифы были одним из самых популярных народов античности. Греческие авторы — от Геродота до Гиппократы — сочиняли рассказы об их дикости, храбрости, мудрости и справедливости. Но боялись и их силы, жестокости, мастерства лучников. Библейский пророк Иеремия пугал соплеменников скифским нашествием: «Народ сильный, народ, языка которого ты не знаешь. Колчан его — как открытый гроб; все они — люди храбрые...»

Крым являлся частью кочевий самого богатого и сильного из скифских племен — «царских скифов». В IV веке до н.э. один из их царей был погребен в кургане, позднее прозванном Куль-Оба, рядом с Керчью. В 1830 году начались раскопки кургана. И хотя, прорвав оцепление, туда ночью вломилась толпа и его разграбила, то, что археологи успели спасти, — ценнейшие экспонаты золотой кладовой Эрмитажа. Прежде всего — знаменитый золотой сосуд из Куль-Оба, на котором изображено состязание трех сыновей Геракла. Младший из них, Скиф, сумел натянуть отцовский лук и получил в награду царство.

С III века до нашей эры сарматы постепенно вытесняли скифов с большей части территории нынешнего юга России (Новороссии), и те закрепились в Крыму, где построили прекрасную столицу — Неаполь Скифский, на месте современного Симферополя. Самым знаменитым правителем Скифского царства в Крыму стал Скилурус. Его портрет с сыном был найден археологами в самом Неаполе. Удалось отыскать и захоронение, а затем реконструировать его портрет по черепу.

Когда византийские историки описывали нашествия древних росов на Константинополь, они, как

Царь Скилур

ФОТО: РИА НОВОСТИ

правило, называли их «тавроскифами» — крымскими скифами.

Перикл

В VIII–VI веках до нашей эры слишком тесненные в узких каменистых долинах перенаселенной Греции эллины разбрелись по всему Средиземноморью, рассевшись, по словам философа Платона, «как лягушки вокруг пруда». Одна из «заводей» — Понт, наше Черное море, — стала домом для множества живших бурной жизнью греческих колоний: Ольвии на месте современного Николаева, Херсонеса — Севастополя, Пантикапея — Керчи. Очень скоро жители первоначальной Греции обнаружили, что именно причерноморские земли могут снабдить их бившим всегда в дефиците зерном. Из Афин отправились на север корабли с вином, оливковым маслом, керамикой. Возвращались — груженные хлебом.

Выдающийся афинский деятель, один из самых знаменитых древних греков, Перикл однажды решил снарядить экспедицию и лично посетить Причерноморье. Ученые долго спорили: как далеко он заплыв, бывал ли в Крыму? И вот внезапно споры разрешились: на кладбищах Херсонеса и Пантикапея были найдены плиты с именами ближайших сподвижников Перикла — Мегакла и Ламаха.

Но как тогдашние крымчане могли с ними познакомиться? Только во время перикловой экспедиции. То есть Перикл побывал и в Херсонесе, и в Пантикапее.

Видимо, он был первым великим государственным деятелем, посетившим Крым — задолго до Екатерины II и Сталина. А равно — Черчилля с Рузвельтом, участников Ялтинской конференции. Видимо, Перикл повлиял и на то, что в Херсонесе прочно установилась демократия. Граждане так ценили этот строй, что приносили специальный обет верности ему. Стела с

уникальной клятвой сейчас находится в Херсонесском музее в Севастополе.

Митридат

В отличие от Херсонеса, другой крупный греческий город в Крыму, Пантикапей, выбрал царскую власть. Вокруг него сформировалось сильное и богатое Боспорское царство, раскинувшееся по обоим берегам Керченского пролива. О делах царей Боспора немало рассказывали древние историки.

Когда царство пришло в упадок, на него начали нападать скифы. Боспор призвал на помощь одного

из знаменитейших властителей — Митридата VI Евпатора, царя Понта. Это был умный, дерзкий, коварный, амбициозный человек, который решился в I веке до нашей эры восстать против могущества казавшегося непобедимым Рима. Тридцать лет в трех войнах он сражался против лучших римских полководцев — Суллы, Лукулла, Помпея. Побеждал, терпел поражения, но так и не был до конца сломлен. Ничто не доставляло надменным завоевателям такого беспокойства, как сопротивление неумолимого царя.

В конечном счете Помпей решил (в 64 году до нашей эры) отрезать Митридата от остального мира в Крыму при помощи торговой блокады. Ни один корабль не осмеливался заходить в Пантикапей, где понтийский царь держал свой последний рубеж. Возможно, и это он бы выдержал, однако его предал собственный сын Фарнак. Боясь стать пленником римских триумфаторов, Митридат выпил яд. Но ничего не почувствовал. Десятилетиями он приучал свой организм сопротивляться ядам, принимая оные в малых дозах, и стал неуязвимым. Тогда царь попросил телохранителя о последней услуге — тот заколол его мечом. До сих пор самая высокая гора Керчи зовется Митридат.

Память об этом сюжете древней истории пленяла Пушкина, писавшего о прекрасной Тавриде:

*Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат...*

Другие берега

ФОТО: АРХИВ АНДРЕЯ КОРЛЯКОВА, ФРАНЦИЯ

Получить работу таксиста русскому эмигранту было очень трудно

«Мы не в изгнании, мы в послании...»

Юрий Коваленко, Париж

Андрей Корляков, известный историк нашей эмиграции, четверть века живет в Париже. Автор фотоальбомов «Русская эмиграция в фотографиях: 1917–1947 гг.» (альбом удостоен британской премии «Веритас»), «Они сохранили достоинство и честь», «На пути к успеху», «Великий русский исход», «Русский экспедиционный корпус во Франции и Салониках, 1916–1918» (совместно с Жераром Гороховым), «Русская культура в изгнании» и других. «С помощью скромных, но трогательных, ностальгических, фотографических рассказов Вам удалось воссоздать жизнь русских вдали от родины, русских, подаривших Франции свои навыки и свой талант», — когда-то написал автору Жак Ширак, ознакомившийся с его книгами в свою бытность французским президентом.

СВОЙ: Как возникло Ваше увлечение русскими фотографиями?

Корляков: В начале 90-х годов я встретился с Татьяной Бакуниной-Осоргиной — внучатой племянницей известного анархиста, дочерью врача Алексея Бакунина и женой известного писателя Михаила Осоргина. Она заведовала Тургеневской библиотекой в Париже. У нее дома на стенах я увидел старые фотографии. С них все и началось. Татьяна Алексеевна отправила меня к дочери писателя Бориса Зайцева Наталье Соллогуб, потом — к Ростиславу Добужин-

скому, сыну художника Мстислава Добужинского. Последний порекомендовал мне нанести визит дочери художника Зинаиды Серебряковой Екатерине. В итоге я обошел и опросил примерно полторы тысячи русских эмигрантов, записал около четырехсот видеointервью.

СВОЙ: *Помните первую удачу?*

Корляков: Такой супернаходкой оказалась фотография знаменитого актера Николая Колина. Он снимался во многих фильмах на русской студии «Альбатрос», которая находилась в Монтрее под Парижем... Есть у меня уникальные фото с автографами Репина, Зайцева, Бунина, Чехова, Тэффи, Лифаря. В основном они из архива Владимира Феофиловича Зеелера (организатор и генеральный секретарь Союза русских писателей и журналистов в Париже. — «Свой»). Его считали покровителем всех художников во Франции.

СВОЙ: *Сколько же всего у Вас фотоснимков?*

Корляков: Под миллион. Они и в альбомах, и в электронном виде. Оцифровано порядка ста тысяч. Мое кредо: фото никогда не повторяются. Могут повторяться лишь запечатленные на них люди. Я часто выставлял свою коллекцию. В основном в русском книжном магазине парижского издательства YMCA-Press, которое возглавляет Никита Струве.

СВОЙ: *Сколько наших соотечественников, на Ваш взгляд, покинуло Россию?*

Корляков: Занимаясь фотографиями, я в конце концов пришел к иконографии, а затем и к социологии. Изучив серьезные источники, могу сказать, что с 1917-го по 1928–1929 годы из России только в Европу прибыли от двух до двух с половиной миллионов человек. Через Францию проехали более 500 000 русских. Одни отправились в Аргентину, другие — в Парагвай, третьи — в Америку и Канаду. В самой Франции остались примерно 350 000. После отмены крепостного

Главное место встречи соотечественников — Русская церковь

ФОТО: АРХИВ АНДРЕЯ КОРЛЯКОВА, ФРАНЦИЯ

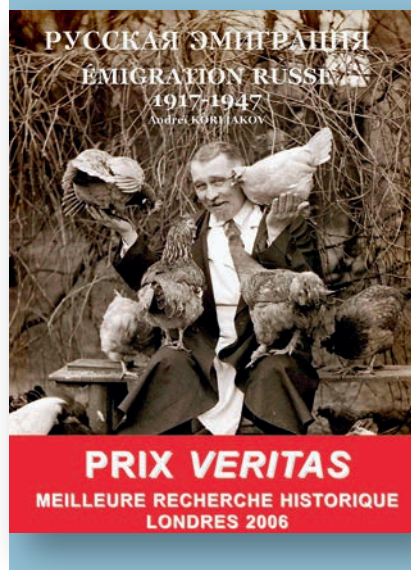

А. Корляков

права в 1861 году многие, получив вольную, решили поискать счастья за границей. Миграция — нормальный процесс. До 1914 года таким образом «проциркулировали» порядка 45 миллионов россиян. Рождались, уезжали, работали, возвращались, умирали. Когда началась Первая мировая война, оказались отрезанными от России до 10 миллионов человек.

СВОЙ: *Один из Ваших альбомов называется «На пути к успеху». Кто из русских в эмиграции достиг наибольших высот?*

Корляков: Прежде всего, Илья Репин. Он свою страну не покидал, но так получилось, что оказался

Ф. Шаляпин в парижской клинике. 1937

ФОТО: АРХИВ АНДРЕЯ КОРНЯКОВА, ФРАНЦИЯ

эмигрантом — в финском курортном местечке Куоккола (сегодня Репино. — «Свой»). Ему предложили вернуться в Советскую Россию, однако художник отказался.

Когда в 1930 году Илья Ефимович скончался, его место, можно сказать, занял Федор Шаляпин, единственный во французской истории иностранец, которому после смерти воздали почести как государственному деятелю. В 1938-м на парижской Опере приспустили флаг, попрощаться с великим певцом приезжал президент Республики. В 1984-м прах Шаляпина перевезли в Россию, но его могила осталась и на парижском кладбище Батиньоль.

Наконец, в 1933 году произошло грандиозное событие — Нобелевскую премию по литературе присудили Ивану Бунину. Тем не менее писатель не смог «сбросить с трона» Федора Ивановича и стал номе-

ром один в эмиграции только после смерти Шаляпина. В дальнейшем это первенство перешло к Сергею Лифарю.

СВОЙ: Кто добился наивысшего успеха на инженерном поприще?

Корляков: Граф Павел Ламздорф, в свое время устроившийся на завод «Рено». Стал инженером и в 30-е годы создал вычислительные машины. Знаменитый авиаконструктор Игорь Сикорский очень много работал в Европе, читал здесь лекции. В Париже хранилась часть его архива, Никита Струве сравнительно недавно передал ее в Москву, в Дом русского зарубежья. Гениальным судостроителем был Владимир Юркевич, который подготовил расчеты для постройки гигантского трансатлантического корабля «Нормандия» (после смерти Юркевича его вдова передала архивы мужа в Россию. — «Свой»).

СВОЙ: «Мы не в изгнании, мы в послани», — сказал кто-то из видных деятелей эмиграции...

Корляков: Действительно, они взяли на себя такую непростую миссию. Эмигранты оставались апатридами, жили на чемоданах, надеясь, что завтра вернуться. Врангель говорил: если обстоятельства потребуют, примите подданство той страны, которая вам дала приют. Но не вмешивайтесь ни в коем случае в ее внутренние дела. Будьте законопослушными. Растите своих детей для завтрашней России. Одна культура — хорошо, а две — лучше. Оставайтесь русскими людьми.

СВОЙ: Можно ли считать эмиграцию этакой Россией в миниатюре?

Корляков: В какой-то степени да. Однако все жили разрозненно, переругались и по политическим, и по социальным, и по экономическим вопросам. Рассорились и

братья, и сестры. Держали друг на друга обиду до самой смерти. Объединяли всех только церковь и кладбище. Вот соберутся вместе в храме на Пасху, а потом разойдутся и дуются друг на дружку.

СВОЙ: *Многие, наверное, страдали ностальгией?*

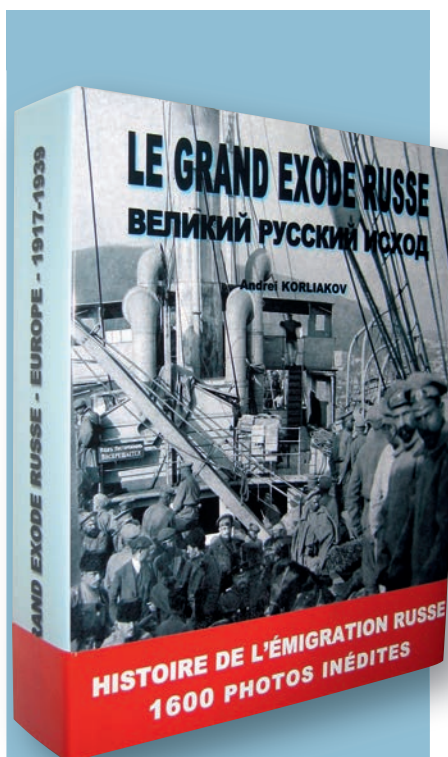
Корляков: Ужасно переживали, не имея возможности вернуться в Россию. Молодой поэт и писатель Иван Болдырев работал на заводе. Начал терять слух. Врачи никак не могли определить, что с ним. И Болдырев от безысходности покончил с собой. Таких случаев было очень много. Люди не находили себя, не видели никакого будущего. Нередкими были разбитые семьи, когда кто-то остался в России. Например, у генерала Ильи Оприца, занимавшегося казачьим музеем. Во Франции ему неоднократно предлагали жениться. Он отвечал: «Не могу. Я клялся в верности своей жене. Это против церкви и против совести».

СВОЙ: *Как складывались отношения диаспоры с французами?*

Корляков: В основном они поддерживались только по работе. Когда трудовой день заканчивался, все расходились по своим углам — французским или русским. Я спрашивал хранителя Музея изобразительных искусств города Тура Бориса Николаевича Лосского: «Вы-то, наверное, общались со всеми художниками?» «Ничего подобного, — отвечал он. — На работе — работа. А дома наш русский круг — родственники, друзья, церковь». Никаких тесных связей с французами не получалось. Мы, славяне, далеки от средиземноморского менталитета.

СВОЙ: *А как же смешанные браки?*

Корляков: Их можно разделить на четыре части. Первую четверть составляют браки русских с русскими, вторую — с французами и французженками, третью — с поляками, четвертую с — итальянцами. Почему с итальянцами и поляка-

ми? Потому что эмигранты между собой всегда находили общий язык легче, чем с коренными французами.

СВОЙ: *Марину Влади в школе дразнили «мерзкой русской»...*

Корляков: Она жила в Клиши — бедном северном пригороде Парижа. Дети повторяли то, что слышали дома: русские отнимают работу у французов. Поэтому так и называли.

СВОЙ: *Парижский пригород Бийанкур с его огромной русской колонией окрестили тогда «Бийанкурском». Там были православная церковь Св. Николая, русские поликлиника, булочная, сапожные мастерские, прачечные.*

Корляков: До конца 20-х годов соседствовали две коммуны — аристократическая Булонь, где князь Феликс Юсупов имел свой дом, маленький театрик, ателье по обжигу керамики и фарфора. Рядом располагался «пролетарский» Бийанкур. Там жил гениальный поэт Владислав Ходасевич, но в основном селились люди, которые работали на автомобильных заводах. Цифры просто ошеломляют. Через «Рено» в общей сложности прошли 30 000 русских, а через «Ситро-

ен» — 20 000. Булонь и Бийанкур слились в одно целое, кажется, в 1928 году. Кроме того, большая наша колония обосновалась в Кламаре, где русские таксисты покупали участки земли и строились. Русскими были заполнены и такие пригороды, как Медон, Пети Кламар, Исси-ле-Мулино, Левадлуа-Перре.

СВОЙ: *Согласно одному из мифов, чуть ли не большинство наших эмигрантов, включая представителей знати, или в таксисты.*

Корляков: Получить работу таксиста было очень трудно. Шофер должен был знать 20 000 улиц. Поэтому практически во всем мире первая профессия русской эмиграции — бухгалтер. Поскольку бывшие офицеры умели чертить, многие нашли места в конструкторских бюро. Женщины в основном занимались уходом за детьми. Не надо забывать, что 80% всей русской эмиграции имели среднее и — порой неоконченное — высшее образование.

СВОЙ: *В Париже состоялся памятный шахматный матч между газетами «Возрождение» Петра Струве и «Последние новости» Павла Милокова. В роли арбитра выступил сам чемпион мира Александр Алёхин.*

Корляков: Это было на стыке 1926–1927 годов. Французская киностудия «Пате» снимала фильм «Жизнь русской эмиграции». Пригласили многих ее деятелей. Литераторы собрались практически все: Бунин, Ремизов, Шмелев Ходасевич, Берберова, Одоевцева, Адамович... Позвали и Алёхина, который жил в 15-м округе Парижа. Там и сыграли этот шахматный матч, заснятый «Пате». Потом фильм показали на балу журналистов и молодых писателей русской эмиграции в парижском отеле «Лютеция». Я опубликовал соответствующую фотографию в своем альбоме. Но фильм потерян. Ищу его уже двадцать лет.

Трапезная

Дорога пасочка к Христову дню

ФОТО: PHOTOPRESS

Максим Сырников

Творожные пасочки или просто пасхи — обязательное угощение для православных в Светлое Христово Воскресение. В южных регионах России «пасхой» иногда называют кулич. Однако от Архангельска до Москвы пасха — творожное изделие, приготовленное в специальной форме — пасочнице. Когда-то за время Великого поста во всяком русском доме накапливались запасы творога, коровьего масла — так называемые молочные скопы. Именно они позволяли приготовить к празднику богатое, сдобное лакомство. Две главные разновидности пасочек — сырые и вареные. Есть еще и запеченные, те готовятся чаще всего без формы.

СЫРЫЕ пасхи — самые простые по способу приготовления. Компоненты попросту смешивают-растирают в определенной последовательности и закладывают в форму, под пресс. Если у вас до сих пор нет хорошей деревянной пасочницы, то непременно обзаведитесь таковой. Она послужит и вам, и вашим детям, а то и внукам.

Пластмассовые формы тоже в дело годятся, но деревянные все-таки лучше. В форме пасха выдерживается от 1 до 3 суток. Поэтому время необходимо рассчитать так, чтобы в Великую Субботу освящать в храме па-

сочки полностью готовыми и хорошо «сформированными».

Не прошедшие тепловую обработку — сырые — пасхи надо бы съесть в первые два дня после выемки из формы. Кроме того, если вы решили добавить в такую пасху изюм или цукаты, то должны быть уверены в том, что из-за них она не закиснет прямо на праздничном столе. Один из способов предотвратить конфуз: на пару часов замочить изюм и цукаты в коньяке.

Вот рецепт очень вкусной сырой пасхи, приготовленной из домашней сметаны.

Сырая пасха

Сметана с жирностью не меньше 35% выкладывается на ночь в марлевый мешочек. Сам мешочек можно повесить над кастрюлькой или тарелкой, а можно положить в сито или дуршлаг, разместив сверху небольшой гнет — что-то вроде миски с водой.

Через 8–10 часов избыток сыворотки из сметаны уйдет, получится нежный и однородный творог.

Творог из сметаны 600 г (сметаны надо взять около килограмма)

100 г сливочного масла

170 г сахарной пудры

3 желтка

40 г цукатов

50 г изюма

Желтки пропускаются через сито, растираются с сахарной пудрой до бела и добавляются в творог. Туда же примешиваем размягченное сливочное масло и растираем массу до полной однородности. После этого — изюм и цукаты.

Пасха выдерживается в форме под легким гнетом около суток.

Переворачивать на блюдо ее надо очень осторожно, а хранить — обязательно на холоде.

Своя

АПРЕЛЬ 2015

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барщины